

A dark, atmospheric night street scene. On the left, a tall, multi-story building with many windows is visible. On the right, there are bare trees. In the center, a street with a few cars and streetlights leads into the distance. The sky is dark, but a large, glowing blue face with a bright white eye is superimposed on it, looking down at the street.

# ГРИМУАР

Будь осторожен, вызывая свое прошлое

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД  
СЕРГЕЯ СЕМЕНОВА

# ОГЛАВЛЕНИЕ

## [Аннотация](#)

### [Глава первая](#)

Пегов прощается с дачей. «Я чертям сдамся...». Книга из сундука. Вороны лезут в окна. Сутулый за стенкой. Явление клубка. Джип-мама и позабытые адреса. Бывший дом № 32. Электронный адрес на стекле и лапа в трехпалой рукавице.

### [Фрагмент главы второй](#)

Пегов и его соседи-бобыли. Прошлое и настоящее штурмана Кирилла Пудовского и Гены-мотоциклиста. Колокольный особняк. "Хочу назад жить!" Позабытый день рождения. Список 220. "Пускай обе Тани, Ирка, Зоя Дмитриевна..." Сборщик дани. Перечень девочек. Опасное имя Urmiel. Двор из небытия. "Не будь дураком, вызови Урмила". Жизнь на косметической фабрике.

### [Фрагмент главы четвертой](#)

Случай в психдиспансере. «Урмилка здесь!» Миллион новыми, триста старыми.

### [Фрагмент главы шестой](#)

Переводы с латинского. Демон пятого ряда. Поиски волчьих клыков, комеди и петушиных шпор. Генрих Исаевич – демонолог. Страшное ad regretum. Испытание заклинаний.

### [Фрагмент главы одиннадцатой](#)

Все опасности выступления с балкона. «Кто сказал «повесить»? Распиленная снайперка.

### [Фрагмент главы двадцатой](#)

Утреннее объяснение. Архитектурная магия. Завтрак под тентом и броники в переулке. Под дулом карабина.

## Аннотация

Литературный фонд Сергея Семенова представляет вашему вниманию **дайджест романа «Гримуар»**. Данное издание - **сигнальный экземпляр**, на сайте **WWW.HAPPYRESUME.RU** размещены и другие тексты интересного автора. В качестве редкой новинки на сайте использованы **moovie-иллюстрации (буктрейлеры)**. **Приобрести полный текст романа и других произведений вы можете, нажав на кнопку "Перевести" (ниже указанной стоимости произведения), при этом вы перейдете в платежный сервис ЮMoney, там укажете в строке свой электронный адрес и перечислите с карты, заполнив ее данные в сервисе, в ЛитФонд сумму, которая была указана на сайте над кнопкой "Перевести". После перевода на ваш электронный адрес поступит выбранное вами произведение в нескольких форматах: ePUB (для электронных книг), также в форматах pdf и zip.** Кроме того, вы можете написать нам по адресу:

**semenov-2211@yandex.ru**

### **Надеемся, вам понравится наш проект ЛИТФОНД**

На чердаке старой дачи главный герой романа, Вадим Пегов, находит уникальный артефакт – старинную магическую книгу, гримуар. Едва книга оказывается в его руках, обычная жизнь меняется: по следам катится жуткий клубок, в снах Пегова возникает человек с головой пса и участливые ведьмы. Оказывается, гримуар может исполнить самые странные фантазии. К Пегову являются женщины из прошлого, которые совершенно не постарели и теперь жить не могут без него. Пегов собирает дань с домов на проспекте Мира. Его сосед, кристально честный штурман Пудовский, получив от гримуара Дар убеждения, вызывает раскол в обществе. В столице начинаются массовые беспорядки. Как избавиться от опасных последствий ритуала Вызова и спасти город?

## **ЯРКИЕ ЭПИЗОДЫ РОМАНА**

*Ноябрьской ночью в бывшем доме № 32 по Грохольскому переулку  
(глава Первая)*

**«В стекло ударили с такой силой, что осколки брызнули внутрь комнаты и рассыпались по полу. Расширенные зрачки Пегова отразили здоровенную лапу в драной солдатской рукавице. Трёхпалая лапища просунулась снаружи, ухватила оконный переплет и рванула его наружу. Рамы скрипели, звякали, но пока ещё держались».**

*Бобыли мечтают на кухне (глава Первая)*

**«Если Енисей... На полстраны река! Взяли и перегородили, - разошелся Пегов, - а в ракету можно запихнуть не одну сотню Хиросим, ни за что я не поверю, будто нельзя вытащить сюда из прошлого всех моих девчонок, сколько их там в списке! И заживу я назад... Ясно?»**

*Пегов вспоминает о кошмарах из детства (глава Вторая)*

**«Ему казалось, что сейчас сзади раздастся легкий свист и старуха легко догонит его по воздуху: шаль развеивается, туфли трясутся на раздутых ступнях и голос из тихого и приторного делается ведьминым, хриплым, а скрюченные пальцы (возможно, с когтями!) уже хватают его за воротник. На углу он оглянулся: старуха сидит все там же, в своем логове - боится днем-то летать. И Пегов маханул в подъезд».**

*Пачки денег сами собой пролезли в ящик буфета (глава Четвёртая)*

**«Пегов уселся на стул у окна и принялся разглядывать деньги. Потом понюхал их. Пятёрки пахли краской, как положено новым деньгам и документам. На жесткой бумажной ленте, которая затягивала пачку крест-накрест, было отпечатано: «Московское**

**ГТУ Банка России \* Пять тысяч рублей \* БИК 046678767 \* Сто билетов \* Кассир Пенчукова Е.Н...» Далее следовало изображение государственного герба. Орел на гербе вышел маленький, похожим на драчливого воробья».**

*Таинственный гримуар (глава Пятая)*

**«Оказывается, есть на свете такие книги, гримуары. И одна из них лежит на столе перед Пеговым. Книги эти писали давным-давно всякие известные личности, вроде царя Соломона, Агриппы, Папы Римского Льва III и Ольгерда Брокенгейма. Все они, очевидно, каким-то образом столкнулись с этой самой структурой N, так обозначил Пегов реальность, где помещался послavec, старухи, лемуры и прочие энцики».**

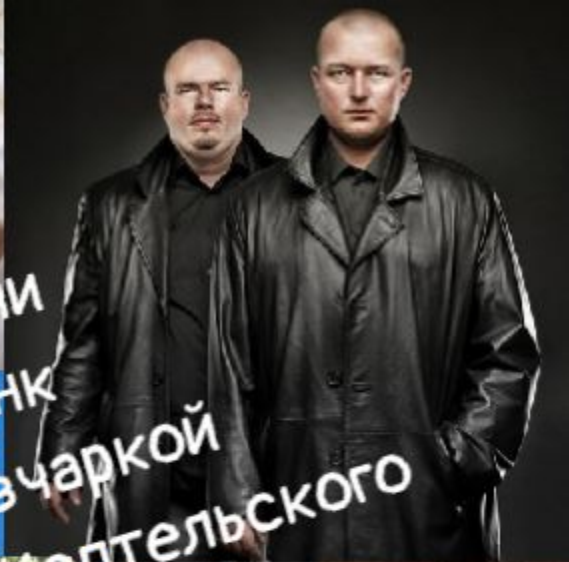
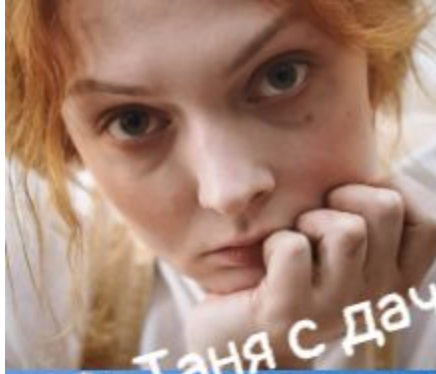
*Сбор дани с двух домов по улице Гиляровского (глава Седьмая)*

**«Денег оказалось много. Хорошо, что он взял с собой портфель. Навалом деньги занимают кучу места. Совсем не то, что в пачках. Пегов щёлкнул замком, утрамбовал бумажки и поднялся этажом выше».**

*Гибель двух смотрящих (глава Десятая)*

**«Огромная овчарка не рычала, не лаяла. Она молча бросилась усатому на грудь, тот даже руку с пистолетом поднять не успел. Так во весь рост и грохнулся на пол. Будто мешок с цементом. И потом еще странный звук был, вроде как банка с мастикой лопнула - п-пух-х, шля-я».**





D 16: Таня с дачи  
 D 22: Оля Фринк  
 D 27: Ира с овчаркой  
 D 57: Таня с Коптельского



D 71: Тётя Лора  
 D 74: Рыжая Аня  
 D 77: Верочка

	В
76	
77	
78	
79	
80	
81	
82	
83	
84	
85	
86	



[input.output@urmiel.nigde](mailto:input.output@urmiel.nigde)



---

**Литературный фонд Сергея Семенова**

**Москва, 2022**

**[www.happyresume.ru](http://www.happyresume.ru)**

**Все права защищены**

## ГРИМУАР

### *ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:*

ВАДИМ ПЕГОВ, одинокий дядька. Живет он в коммуналке на Сухаревке и часто вспоминает о девчонках, которые когда-то жили в переулках рядом. Находка уникальной книги, гримуара, позволяет ему провести ритуал Вызова и вызвать ... нет, не чертей, конечно. Энциков. Ведь чертей, ведьм и демонов не бывает. Но кто же тогда исполняет желания Пегова?

*(новейшие данные по этому вопросу приведены в главе Пятой романа)*

КИРИЛЛ ПУДОВСКИЙ, бывший штурман дальнего плавания, сосед Пегова по коммуналке. Человек бесстрашный, нестигаемый и все такое прочее. Как известно, именно такие люди то и дело заводят корабли в арктические дали, устраивают мятежи и прочие неприятности. Пудовский - не исключение. Однажды он в запальчивости произносит странное желание рядом с гримуаром. В результате Москва оказалась на пороге гражданской войны.

ГЕНКА-МОТОЦИКЛИСТ, упрямый кандидат в мастера спорта со стадиона на Спартаковской, третий сосед Пегова

ВАЛЮШКА, пышная Генкина подружка, расчётчица управляющей компании в Коптельском переулке на Сухаревской

ВЕРА ИВАННА, верная соратница Пудовского, активистка Фондов «Наш город» и «Мы верим»

МАРИНА РАВИКОВИЧ, двоюродная тетка Вадима Пегова, явленка из его дачного детства

*(см отдельные термины романа в «Комментариях» чуть ниже)*

ТАНЯ БЕНЬЯМСОН, квазиреалка. С оригиналом Пегов был знаком на Клязьме (в «Списке 220» она обозначена, как «Таня с дачи»), теперь же



«Машина явленок» в Ананьевском переулке подарила Пегову новую Таню, которая начинает бороться за свое счастье в современной Москве

*(про «Механизм явленок» - смотрите сложные термины в Комментариях ниже списка действующих лиц)*

ИРА ИВОЛГИНА, квазиреалка, дачная знакомая с Клязьмы из проезда Победы, (в «Списке 220» - «Ира с овчаркой»)

АНЯ, квазиреалка, Пегов был знаком с ней в своем дачном детстве. Энщики, скорее всего, воспроизвели ее копию и поселили в Твери, где двойник Пегова встретился с ней и пригласил в Москву (в «Списке 220» - «рыжая Аня, дочка художника»). Некогда жила на Крыловской улице.

ЗОЯ ДМИТРИЕВНА, учительница немецкого языка в школе на Садовой, где учился Пегов, симпатичная блондинка, явленка. В реальности погибла в автокатастрофе в начале восьмидесятых годов во время поездки в Крым. Но снова является Пегову из «Механизма явленок» в Ананьевском переулке.

УРМИЛ (также Урмиал, Уриал, Урмиэль), в гримуаре указан как «демон Пятого дома рода Zaffal». Часто показывается Пегову в обличье псоглавца, человека с головой собаки, реже – в виде очень крупного алабая, среднеазиатской овчарки. Задушил двух смотрящих от криминальной гурпировки при попытке «прижать» его логово, кафетерий в Ананьевском переулке.

НИНА КСАННА, старушка-горбунья, соседка по двору из московского детства Пегова, ведьма, в московскую реальность романа является в виде сутулой девушки

БАБА ПОЛЯ, знахарка и колдунья, старушка, из дачного детства Пегова, ведьма, владельца гримуара, в московской реальности романа оборачивается молоденькой девушкой

ШОРТОЧНИК, раб ведьм, прислуживает на кухне в Ананьевском переулке

ЛАРИСА ЮРЬЕВНА ЛЕСКИНА, владелица мыловаренной фабрички, где работает Пегов, исетричка, хуже ведьмы

РАШИНСКИЙ, коммерческий директор у Лескиной

ТАТЬЯНА ВОЗНИК, пласкивая гендиректорша

ГАЛЯ, первая секретарша Лескиной

ЛИЗКА, вторая секретарша Лескиной

АМАНЯШИ БУРМАН, филиппинец, управляющий сетью супермаркетов

ГЕНРИХ ИСАЕВИЧ, ученый-филолог, специалист по древним языкам, демонолог

ЗИНКА, ЖЕНЬКА, ЛЕРА, САНЬКА, сотрудницы «Гурьевских минеральных вод», где зачем-то работает Пудовский

ЯНА, главбушка, ТАНЮШКА, финша, НИКОЛАЙ ЕГОРЫЧ БАБАНОВ, совладелец «Гурьевских вод»

ВЯЧЕСЛАВ ВОЛОДИН, по прозвищу Вэвэ, директор супермаркета на Садово-Спасской

ХАРЛАМОВА, его секретарша

ЛЮБОЧКА, его любовница

СТЁПИН, начальник службы безопасности супермаркета

ТЕРЕНТЬЕВ, майор из службы прокурорского надзора

МАЗИЛИН, старый полицейский капитан

НИКОЛАЙ ПАЛЫЧ, чиновник из комитета по законодательству

СВЕТКА, девчонка из кафе

БАБА ЛЕНА, старушка из Денисовского переулка, у которой двойник Пегова снял комнату для рыжей Ани

ШКАРКИН, участковый уполномоченный из 68-го отделения полиции на Сухаревской

ЕРЁМИН, капитан ОМОН

СЕДЕЛЬНИКОВ БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ, первый проректор университета Содружества

### **КОММЕНТАРИИ (некоторые важные термины романа):**

СПИСОК 220 – таблица в Excel, содержит имена, фамилии и прозвища 220 человек, с которыми Пегов был когда-то знаком. Основную часть списка составляют влюбленности Пегова, начиная с его детских лет: симпатичные родственницы, подружки со двора и с дачи, одноклассницы, учительницы из бывшей немецкой спецшколы № 53 на Садово-Спасской

ГРИМУАР – средневековая книга, в которой описаны магические процедуры, с помощью которых возможно вызвать демонов. Уникальный артефакт. В мире имеется не более пяти настоящих гримуаров (подробнее – см глава Пятая романа)

ЯВЛЕНКА – женщина из Списка 220, она не существует в нашей реальности, вызвана сюда из прошлого (с помощью ритуала Вызова при использовании Гримуара) в том самом виде, в каком Пегов знал её когда-то. В отличие от явленок иных близко знакомых женщин Пегов именует реалками.

МЕХАНИЗМ ЯВЛЕНОК – перемещает людей из прошлого в настоящее, выглядит как кафетерий советских времен, располагается в Ананьевском переулке на Садово-Сухаревской в Москве. Здесь поселились Урмиал, обе бывшие старушки – баба Поля и горбунья Нина Ксанна, обратившиеся теперь в молодых ведьм, и их раб шорточник. Если Пегов окажется внутри кафетерия в четверг, сюда зайдёт очередная явленка.

## Глава первая

*Пегов прощается с дачей. «Я чертям сдамся...». Книга из сундука. Вороны лезут в окна. Сутулуй за стенкой. Явление клубка. Джип-мама и позабытые адреса. Бывший дом № 32. Электронный адрес на стекле и лапа в трехпалой рукавице.*

Ноябрь - штука странная, безразличная. Ни себе, ни людям.

Покрытая мокрым снегом дорога тянулась мимо ворот с двухскатной крышей к развилке у леса. Опушку накрывал туман, с сосен падали на землю тяжелые капли. Высоко в кронах возились вороны. Сбрасывая с веток снег, роскошные бархатные птицы то и дело хрипло орали. Пегову мерещилось в этом крике наглое, неотвязное: вали, Вадя!

«И правильно. Вороны тут жить останутся, а я уеду, не вернусь... У каждого человека на свете обязательно имеется свое, особенное место. Где знаком каждый закоулок, где тебе хорошо, как раз оттого, что знаком, что всё тут помнишь. И тебя всё помнит. Вот у меня - Клязьма и Коптельский. Старая дача и бежевый домишко на Сухаревке. Только два местечка. Немного, правда?... Никто бы отсюда не выгнал, будь у меня лимонов пятнадцать. Но раз и пятерка для тебя много, пакуй чемоданы. Потому что особенное моё место продается. Продаются обе террасы и нескладная крыша. Продается восемь сосен, две из которых с раздвоенными вершинами. Продаются!... Кусты малины, боярышник, серая от времени береза у забора, жестяные

скаты над воротами... Все это срочно требуется забыть. Клязьма мне теперь не по карману».

У него было такое ощущение, что его вытолкали разом из всех здешних калиток, со всех опушек, тропинок, развилки и перелесков.

«Некогда, мне некогда, - уговаривал себя Пегов, - Переживать можно и потом... Надо взглянуть на барахло. Выключить свет. Запереть дом. Двадцать минут, чтобы подвести итог. Чтоб попрощаться... Ярославка не станет ждать, заткнётся наглухо».

Вздыхнул и оглядел комнату. Шкаф, круглый стол, старый ковер на стене. Все копеечное, ненужное. Кроме воспоминаний, которые можно увезти вместе с пухлым альбомом, перевязанным старенькой голубой косынкой. Снимки лезли из-под обложки, путались, топорщили острые углы. Пегов разложил карточки на столе, посмотрел, потом поднялся со стула, задумался.

«Как будто не знал, что так выйдет. С весны канитель тянется. На всех по суду разделить, конечно, можно, если б маменька заранее все не подарила. Только не тебе, не тебе! Да и рожа у тебя не слишком интересная, чтоб целое лето на нее пялится».

Оглядел блеклые карточки. Потом взял одну, подошел к окну. Со снимка улыбалась женщина в халатике. Так, как раньше на дачах было принято одеваться. Запросто, по-домашнему. Она насмешливо смотрела сквозь тысячи дней, которые разделяли их теперь.

«Рыжая Марина. Дальняя родня. У бабушки сестра, а у сестры дочка... И так далее. С ней здорово было болтаться на речке, у станции, в лесу, на этой самой опушке. Почему? Потому что я обожал её, как может мальчишка обожать взрослую тётку. То есть всерьез, до смерти. Обожал её локти, затылок, круглые карие глаза, пару родинок на запястье, белые босоножки, лаковую сумочку... Бывают такие посторонние вроде бы, но ненаглядные женщины, которых вспоминаешь потом всю жизнь. Зачем-то...»

Давным-давно вся эта родня из альбома, перевязанного косынкой, переругалась из-за другой дачи, развалюхи за железкой, на Аксаковской. Там, где обрыв, сонная река, сосны и пойма до самой запретки вдалеке. Из-за этого Марина оказалась во вражеском лагере и больше сюда, на Клязьму, не ездила. А он ее ждал-поджидал. Да так и не дождался, превратился в дядьку.



Теперь пришел черед последнего владения Пеговых, на которое вредным неродным девкам наплевать и забыть.

Он вошел в узкий коридор, включил свет. Пошарил по стене, нащупывая выключатель. Лампочка затеплилась еле-еле, высветив комод, стопку валенок, финские санки с длинной изогнутой ручкой и галошницу.

Обида у Пегова сделалась нестерпимо острой. Он зажмурился и ткнул в стену кулаком. И вдруг подумал: «А я чертям сдамся!» Подумал и расстроился. Так недолго и с ума съехать. От отчаяния. Спустя секунды выскочил у него в голове тихий голосок, с которым можно было и поспорить. Первым делом голосок принялся Пегова успокаивать. И голосок был Пегову знаком. Обычное дело, подсознание выскочило. Утешает. Мало, что выкинуть можно, если обидели.

На втором этаже, в мансарде, узкие оконца которой все так же смотрели в сад, было оглушительно пусто. На полу валялись старые газеты, календари, связки писем.

Пегов нагнул. Открытки. Кому-то от кого-то. «Дорогие Алечка и Катя, привет вам из Батуми...»

Над его головой грохнул жестяной лист на крыше. Хлопнули крылья и процокали по скату когти.

«Вороны... Припёрли костей со свалки. Станут орать и драться. Хотя вечер уже, воронам спать положено».

На соседской половине послышались слабые шаги. Сейчас же явилось в памяти словечко «насмерть». И представился некий странный приземистый человек, свою крупную голову он держал несколько набок. И не лицо у него было, а собачья морда.

Пегов тихонько прошелся по мансарде, миновал узкий коридор и выглянул в темноватую комнатку. Снова проскребло по крыше – ищ...

Чёртовы вороны проехали по крыше, к самому окну.

Пегов разозлился на свои страхи, быстро прошел в другую комнату, нарочно стараясь ступать громче. Мысли закрутились в голове ещё быстрее:

«Чертей не бывает! - Надоело! - Боисся, да? - Ничего я не... - Боисся, боисся! - Ерунда! Я про щиток думаю. - Ага, щиток, счас тебе. Ты про закоулки думаешь, так? - Какие еще закоулки? - А такие, где сидят эти,

с мордами собачьими, поджидают. А еще, еще... Вот уеду, пойдут бродить по дому дорогие покойники. - Ты опять? – Они, покойники-то, тоже, наверное, волнуются. Чужие тут жить теперь станут. - Еще как станут. Взахлёб! - Чтоб тебе! - Ага, ага, ругаться нельзя!»

Он оглядел стены, увешанные листами из календаря с поблекшими японками из далёких брежневских времен. И фанерную дверцу, которая прикрывала вход в чулан, устроенный под скатом крыши.

Тут стоило бы порыться, не обращая внимания на глупые страхи. Некому тут быть. Не-ко-му!

«На до-о-олгую память», - распевали вялые голоса в затылке. Пегов велел им заткнуться.

Вороны возились теперь у самого окна. Кряхтели, пищали, хлопали крыльями. Даже ворчали, как делают кошки, если найдут, что пожрать с голодухи. Пегов шлёпнул ладонью по стене. Но вороны плевать на него хотели. Подумаешь, какой-то Пегов.

Дальний угол чулана занимал сундук. Когда из чулана вытащили рулоны толи и серые толстенные доски, тогда он и обнаружился. Как же, как же, бабы Полин сундучина!

Как-то раз, лет сто тому назад, Пегов отметил, что отец и бабушка ругаются, приговаривая: вот достукается Поля, свезут в психушку. Это было интересно, кто кого свезет и почему в психушку-то. Но отец и бабушка похоже поджали губы, как будто Пегов спросил их про пьяного в канаве. То есть про то, чего детям знать не следует.

Кое-что он, впрочем, разузнал. Баба Поля доводилась им дальней родней. Пеговы ей помогали. К старости у старухи голова сделалась набекрень. Про веселое словечко «набекрень» Пегов раздумывал тогда больше всего. Вскоре у матери выскочила фраза про «Полиных чертей». Он пристал и к ней.

Мать покачала головой, но рассказала: «Ворожила Поля... За деньги. Настои всякие варила. Банки ставила, пиявки совала. Люди к ней ходили... всякие. Говорили, с сектантами, мол, водится. Предупреждали ее из поссовета, из милиции: запрещается это все, смотри, старая. А теперь у неё не все дома...» Пегов тут же вообразил колдунью из мультя.

Наконец эта самая баба Поля стала совсем плоха, её привезли сюда, на Клязьму и поселили в угловой комнатке. Оказалось, это

обычная старушенция, пахнувшая мятой и валерьянкой. С маленьким яблочным личиком и крупным носом. Длинным таким старушечьим носом. Руки у нее тряслись. Седая вся, еле видит, ходит, держась за стенку. Никаких чертей у нее, у доходяги, конечно, не было. Померла баба Поля раньше бабушки, незаметно, как помирают чужие старухи.

И вот теперь пустой бабы Полин сундук оказался перед Пеговым. Обычный деревенский сундук, в каких невесты хранили приданое. Обит для крепости жостью, крест-накрест, по бокам звездочки крупные, как на майорских погонах. В сундуке хранились когда-то барахло, скопленное за полвека: дедово кожаное пальто, добела вытертое на сгибах, бабушкина шуба, сарафаны, фартуки, вязаные кофты, халаты, мотки чулок и скатерти. Старые вещи, мелочи чьей-то жизни, которая прошла.

Люся вычистила сундук за полчаса. В среду приедут её парни, разломают и сожгут. Не в музей же везти.

Пегов прислушался. Цоканья не слышно, но за стенкой, там, где жость на крыше загибалась, возились и крякали. Пегов, как видно, надоел воронам, они решили на ночь устроиться. Он подошел ближе к окошку.

Видна была мокрая крыша, воронка водосточного желоба, острый деревянный шпиль над террасой. Дальше маячило всё то же: сирень, изгородь, сосны, соседские яблони. Под мутным светом фонаря извивалась дорога. Огромный новый дом напротив, крытый черепицей. Впрочем, там тоже ни огонёчка. Дураков нет, сидеть тут мокрым ноябрьским вечером.

Он присел у сундука. Звёздочки на бортах мигали, отражая огни плафона. Пегов потрогал одну: ребристая, холодная. Огляделся в поисках железяки, чтобы отодрать желтую эту звезду, майорскую награду. Фомка стояла в углу, как раз, какая надо, в локоть. Пегов наклонился над сундуком, просунул острие между доской и листом жести. Потянул. Заскрипело и оторвалось. Тут же за окном хлопнули крылья. Вороны снова волновались. Пегов взглянул в оконце, на него уставились черные глазки. И крупный клюв. Пегов поморщился и замахал руками. Скрипнуло и клюв сгинул. Противно вжикнули когти по жести.

«Смотрят, сволочи, что я с сундуком делаю. - Дурак, вороны видят кое-как. Близорукие они. – От дурака слыш! – Это не простые

вороны. - А какие? - Сам знаешь, какие. Чертовские».

Пегов перехватил фомку в ладони и потянул сильнее. Сначала с одной стороны, потом с другой. И нажал коленом. Раздался треск, наружная стенка сундука отошла, стало видно, что звездочки прикрывают стержни. И уже те держат толстый лист фанеры на дне сундука. Между наружным днищем и фанерой устроена обрешетка из планок. Получалось двойное дно. Пегов достал из кармана брелок от машины, щелкнул кнопкой.

Но там ничего там не было, в уютном гнездышке под фанерой. Ровным счетом ничего. Все ячейки в обрешетке пустые. Резко пахло старым деревом и еще чем-то. Песком, пылью? Наверное, бабы Полиной странной жизнью.

Над Пеговым прохаживались по жестяным листам вороны, издавая звуки особенные, жалобные, не каркали, а вроде бы хрюкали, пищали, как будто выпрашивали что-то. Он уже хотел бросить эту затею, опустить пластину, но тут луч фонаря осветил по обложку небольшой толстой книжицы. Пегов протиснулся ближе и прочитал: LIBER DE... Серебристая краска сохранилась лишь местами.

Кое-как, обдирая пальцы, вытащил томик. И забыл про ворон, про звездочку и про фомку, клад не клад, но кое-что. Остановился у плафона и покрутил книгу в руках.

«Обложка кожаная, мягкая. Потертая, драная даже, но лет-то ей сколько! Накладки медные, застежками стянута. Дураку ясно, старинная вещица... Квадратики выдавлены, и уголки. - Денег стоит? - Барахло! – Снесу к антиквару. – Снесешь. Если до дому доедешь. – Чего это? - Забыл про чертей-то...»

Пегов тронул застежку, собираясь раскрыть книгу. Тут же за стеной, на соседской половине, скрипнули половицы. В голове Пегова стукнуло, рот наполнился горечью: вот тебе и черти. И снова показалось ему вот что: кто-то кряжистый, сутулый, прошелся по комнате на соседней половине дачи. Застыл как раз против того места, где стоял Пегов. За тонкой дощатой стеной.

Снова протяжно закаркали вороны, как будто окликали кого-то. Пегов вздрогнул, сунул томик в карман куртки и пошел к лестнице. В голове у него продолжался странный диалог. Если уж начал сам с собой говорить, так и привыкнешь, дело привязчивое.

«На соседской половине нет никого... - А вороны чего же орут? - По дурусти. - Слышал, как ходят за стенкой-то. - Заткнись!»

Остановился в прихожей и долго разглядывал, ворочая глазами, тени на обоях, выстроенные тусклой лампочкой. И все ждал, затаив дыхание. Но ничего, ничего. Ни шагов, ни уханья. Повернул голову и посмотрел в сад. Там стояла та же важная, настороженная темнота. В фонаре у ворот тлели желтые нити. Но не видно было уже ни дороги, ни опушки. Как будто их тоже скупили и вывезли, оставив взамен черноту. Чертовскую черноту.

Слева внизу, у самого пола, валялось что-то мелкое. Пегова передернуло. Мышь дохлая? Он выпятил губу и наклонился. Нет, просто пыльный клубок. Наверное, гнездо осиное. Вывалилось, когда барахло отсюда тащили. Трогать противно. Он и не стал. Щёлкнул выключателем и повернулся к лестнице.

Дверь хлопнула, затворяясь.

В светёлке с минуту было тихо. Потом зашуршало. Клубок сам собой покатился вдоль стены, подскакивая на досках. Всё ближе к выходу. Как будто торопился за Пеговым.

Сборы вышли недолгими. Пегов забрал альбом с фотками, проверил форточки, запер двери. И стоял теперь на крыльце, пялился вверх. Над головой покачивались сосны. Звезд видно не было, от станции принесло тучи. К ночи обещали снег с дождём.

Он сходил к машине, убрал альбом в багажник и вернулся обратно. Храбро вылез за угол и остановился у забора, разглядывая соседское крыльцо. Тихо, никто не шляется, света не зажигает.

«Может, тому, с соседской половины, у которого башка набок, и без фонаря хорошо? Он же, как кошка, в темноте видит».

Но тут, во дворе, под холодным ветерком, черти оказались мелкими, картонными, киношными. Уже не лезла в голову пустая жуть.

И Пегов успокоился. «Никого там нет. А чертей вообще не бывает!»

Он мог на спор перечислить все, что спрятано было в темноте. Все это помнилось наизусть, сад так часто приходил к нему во сне. Приходил и жаловался.



Итак, вот весь перечень: перила, козырек, косое окно, разлапистая ель, пара старых пихт. Упрямая шеренга шиповника вдоль дорожки, лужайка и сосны, бревенчатый сарай с чугунными засовами на дверях.

Пока Пегов разглядывал знакомый сад, как пыльный клубок с чердака шустро прокатился в темноте по дорожке, вылез из-под ворот, ткнулся в шину его авто, прополз по крылу и беззвучно втянулся под крышку багажника.

В четверть восьмого этого нескладного вечера, Пегов оказался на углу Грохольского и проспекта Мира, среди белых, желтых и розовых, совсем уже ночных огней, мигающих на ветру, под мокрым снегом, лепящим наискось. Длинный и кривой Грохольский переулок тянулся слева от Пегова, убегая к едкой Каланчевке.

Тикал поворотник и мигала лампочка. Щетка размазывала мутные брызги по лобовому стеклу: щ-ща-зз. Как будто приговаривала: погоду, мол, сейчас вытру. Потом возвращалась назад: вс-с-ся. Извозилась я, Пега, в такой дряни. Вся, как есть, по уши.

Тикало, мигало. Чик, тук. Щ-а-а-зз, вс-с-ся...

Пегов ждал, пока переключится светофор. Подмигнет и пропустит его. Машины неслись по встречке мимо, к Капельскому и дальше, к Рижской. Пеговская «матреха» покачивалась от этой гонки, а он сидел и ждал, глядя на чужую зеленую стрелку. Сидел и ждал.

Прямо перед Пеговым торчал особняк. Нарядный, белый с розовым. Правда, сейчас, сквозь мокрый снег, красота эта была не слишком заметна. Но Пегов знал особняк наизусть. Как раз в этом и сидела проблема. Не особняка, конечно, а Пегова. Обычная такая проблема: не хочу, как на самом деле в жизни получилось, хочу по-другому. Все бы переделал, да руки короткие. Пегов с удовольствием жалел себя.

Лампочка: чик. Поворотник: тук. И щетка, зараза, опять за свое: в-с-сяя...

Справа к его «матрехе» подкатил белый джип. За рулем сидела тетка с короткой стрижкой. Одета она была в дутую куртку. И штаны у нее, наверное, тоже дутые.

Не глядя на Пегова, стриженная двинула джип вперед, собираясь первой выкатить в Грохольский. На заднем сиденье джипа девочка

возилась с пекинесом. Собака лупоглазая, рыжая, и девчонка такая же. Девчонка тащила пса к окну, тот крутил мордой. Огрызался, наверное.

Пегов устал. Тащиться по Ярославке вечером, в ноябре, да еще в воскресенье, удовольствия мало. И он с удовольствием отвлекался теперь на джип, на девочку. Лишь бы не думать о той заднице, в которой оказался. Мысли его плыли по тем же горизонтам:

«С родной дачи выкинули. И кто? Чужие девки!... «Продадим, тебя не спросим!»... Задница! И в остальном она же. Работа? Идиотская. Сиди, считай: ликвидность одеколona "Океан", goodwill шампуня «Олеся» и все такое. Профессия? Никакой. Диплом туфтовый, этажерка-политех советских времен. Жена Аля? Сбежала давным-давно. Квартира? Коммуналка. Машина старая. Гараж не обломился. Хорошее есть?... Ну, разве соседи. Мировые соседи, правда. Но такие же неудачники. Если поселить вместе трех лузеров, черта ли у них выйдет...»

Светофор мигнул и выдал зеленый. Пегов подождал, пока вырулит джип с мамашкой, девочкой и собакой. И двинулся за ними.

«Такие пошли теперь тетки, без мыла лезут. А раньше какие были? Раньше тётки не ездили на джипах. Они ездили на мужиках...»

Авто тащились по Грохольскому еле-еле. Джип-мама, похоже, заснула.

С теток и их привычек мысли Пегова перескочили на знакомых девчонок, которых здесь когда-то было полным-полно:

«В каждом закоулке. В Глухарёвом кто? Танечка с блестящими глазами. Вполне доступна. Лена, у той банты, мама, день рождения в апреле. Умная, не подъедешь. Пара пекинесов у неё. Протопоповский? Машка и Олечка Твердохлебова. Худая, высокая. Уж так смотрела на него, так смотрела. А он, дурак, рожу воротил. Не нравилась!... В Астраханском? Там другая Лена. С папашей своим, с Евгением Ванычем. С пузатым Раз-Ванычем в полосатых подтяжках. Живарёв? Инка и Светка...»

Белый джип впереди (ах, мамашка, мамашка!) завис на углу Коптельского, заняв полосу. Пегову пришлось проехать дальше, за перекресток.

Зачем он остановился у сквера, если ему надо было на Спасскую, Пегов и сам не мог потом вспомнить. Взял и остановился. Остановился и задумался. Про Лену и Олю, про лучшего друга

Серёгу Шлёнского. Живы ли, где их черти носят и все такое. Еще вот что было интересно: кто из них в заднице и как именно там оказался.

Пегов притормозил у сквера, у замерзшего маленького сквера, в двух шагах от подворотни бывшего дома № 32 по Грохольскому. Снег валил по-прежнему. От фонарей тянулись лиловые тени. По дорожкам бродили собачники. Деться им, собачникам, некуда. Хочешь, не хочешь, веди своего Роя облегчиться.

Псы шлепали по ледяной каше. Мигали неонки ошейников. Кобели возились на стылых газонах, под кустами, обнюхивали урны, поливали скамейки и столбы. От струек поднимался пар.

«Эти побродят, побродят и попрутся домой. А я куда?... В супер. Куплю макарон, копчуху слабого посола и помидоры. И салат. Потом поеду домой: вверх по Спасской, и направо, через двор. В коммунальный хаус, соседям жаловаться. У других соседи сволочи, у меня наоборот. Вот я им и расскажу, как с дачи выперли...»

За всю эту длинную дорогу Пегов ни разу не вспомнил про чёрта с тяжелой башкой, свешенной набок. Как не вспомнил про воронов, потертую книгу и свои страхи. Как не думал он и о неприятном словечке «псоглавец». Мало ли что выдумается в пустом доме.

Пегов вылез из машины, поёжился. Холодно. Потом выдохнул и огляделся: темное небо, желтые круги у фонарей, какая-то тетка бредёт в булочную на углу. Воскресенье кончилось. Тут Пегов вспомнил о рыжей девчонке, которая возилась с пекинесом в белом джипе. Ведь была у него, у Пегова, когда-то своя рыжая. Нет, не тетя, девочка. Худая и вредная. Или нет, тонкая и ласковая? Когда Пегов приходил сюда кататься на горке. Вот у этого самого дома из красного кирпича, во дворе.

Сверху бывший дом № 32 выглядел как буква «П»: два узких длинных корпуса и один короткий, как перемычка сверху буквы. Там в корпусах устроен был сквозной туннель. Получились две подворотни, одна выходит в Грохольский, другая в Живарёв переулок. Сквер в основании «П» располагался выше, переулок заметно понижался к Каланчёвке. Поэтому горка здесь выходила крутая. Ребята заливали ее из шланга, ждали, пока застынет, потом садились на задницы и катили вниз. Дело простое. Ледяная дорожка тянулась тогда вдоль длинных корпусов к самым подворотням.

Но теперь жизни в этой трехэтажке, бывшем доме 32, оставалось совсем немного. Строители затянули фасад зеленой сеткой, навалили досок для забора и поставили поперёк аллеи жёлтый бульдозер.

Послышалось слабое потрескивание. Он огляделся. Но рядом, конечно, не было проводов и электробудки с черепом. А был все тот же тёмный сквер и никого вокруг. Даже собачники свалили.

И снова ему послышалось: мы-ш-шшш... Снег в ветвях? Мокрый снег. В ветвях старых лип. Мокрый в старых.

Пегов двинулся дальше.

До знакомого двора с горкой рукой подать. Надо бы заглянуть. Зачем? А вот зачем: 1. зайти в последний разок, снесут домишко, не заметишь 2. надо отлить. Срочно!

Он огляделся и полез между штабелем досок и стеной. Придерживая куртку ладонью, чтобы не вымазать, размышлял о детстве.

Такой, наверное, возраст. Какого черта, спрашивается, объявился в Сети сайт «Одноклассники»? Правильно! Многим охота узнать чего-то там про девочку, которую без толку разглядывал с пятого по восьмой класс. Про девочку, которая однажды летом взяла и сбежала со Спасской. В Бирюлёво или в Прагу. А ты так и остался посреди пыльной Сухаревки.

Правда, Пегов вспоминал не то детство, которое было на самом деле. Не то, где на него орали родители и учителя. И не то, где приятели давали под зад коленом. Он давно придумал себе другое детство. Выглаженное, яркое. Без помоек. Без обид.

Там, в этом приятном пеговском детстве, имелась рыжая девочка. Волосы у нее были приглушенного, ржаного оттенка. Рыжуха заплетала их в косу. Она носила мягкие сапожки, шапку с кисточкой, серое нескладное пальто. И глухие советские рейтузы. Коса то и дело перебрасывалась резким движением за спину. Жест этот ясно говорил: отвали!

Именно ее, рыжуху, выглядывал Пегов зимними вечерами в толпе ребят, поджидая, когда она поедет с горы на фанерке. Тогда Пегов прыгал сбоку, от стены дома № 32 на лёд и наваливался на рыжуху. Они неслись вниз, до самого сугроба у стены. Рыжуха визжала, пихала Пегова коленом. Но он держал её крепко. У подножья

горки рыжуха вырывалась. И тыкала Пегова кулаком в плечо. Иногда ему попадало фанерой по спине. Но такая уж у них с рыжухой была игра. Сцепиться, лететь вниз, потом друг другу по шее. А что визжит, это так, для отвода глаз.

И рыжуха снова подходила к ледяному склону, прижимая фанерку к попе. Потом оглядывалась (поджидает ли её Пегов?) Отметив его на исходной, она бросалась вниз. И все повторялось.

Из-за рыжухи у него как-то раз вышла драка с парнем из дома № 16. Пегову подбили губу, но своих полётов он не бросил. А парень тот был мелковат, рыжуха на него и не смотрела.

Над козырьком подъезда Президентской поликлиники выскакивали на электронных часах цифры. Они обозначали попеременно число, время, давление и температуру. Только давление тем дрянным вечером никого не интересовало. Грохольский был оглушительно пуст. Как будто из переулка сделали сцену и теперь готовились чего-то на этой сцене представлять...

Охранник запер ворота, выключил свет в будке и пошел к дверям. Взглянул вверх и остановился. С голубенькими цифрами вышла, как видно, авария: после 20.49 выскочило 02.52. Так и пошло дальше: 02.51, 02.50. Как будто поставили таймер и «до чего-то там» оставалось меньше трех минут.

Охранник покачал головой: большей туфты, чем компы, планшеты, сотики и прочая подобная хрень, нету на свете. Он вздохнул, вошел в подъезд, прикрыл стеклянную дверь и задумался: как бы провести ночь повеселее. Имелись три пачки йогурта, пакет с котлетами и сыром. Можно было сделать салат из огурцов, которые жена купила вчера на рынке, в Черёмушках. Или пойти посмотреть футбол по плазме в холле.

Пока охранник размышлял, от одинокой пеговской машины, припаркованной на горке, выскочил на тротуар тёмный клубок. Небольшой такой, похожий на старое осиное гнездо. Он съехал на мостовую и покатился к бывшему дому № 32. Клубок не спешил, как будто знал, что переулок пустой и торопиться ему нечего. В Грохольском повисла ночная уже, вязкая тишина, изредка доносились звонки трамваев с Каланчёвки, где располагался старый разворотный круг, вымощенный брусчаткой.



Нырря в выбоины, клубок достиг подворотни и пропал за ржавыми бочками.

Пегов стоял на том самом пригорке. От рыжухи его отделяли тысячи дней. Он разглядывал двор и улыбался. И вдруг вспомнил: Кирюха Пудовский, сосед по коммуналке, называл такие истории, про детство и девчонок, слюнявыми.

Ну, это как посмотреть. У каждого свой заскок. У меня рыжуха, у Пудовского – байки «про маму». Как пойдет трепать, не заткнешь. И такая-то у него мама была и вот такая. Лучше всех. Как будто у других мам не было вовсе. Только какая из них лучше, какая теперь разница. Обе давно покойницы.

Пегов поёжился. В голове у него появился упрямый голосок: «Рыжуху вспомнил и вали-ка, Вадя, отсюда. В развалинах лазить себе дороже. Понял?» Пегов подумал и согласился. Сейчас он расстегнется, встанет в уголке, справит небольшую свою нужду и пойдёт обратно.

Он оглядел двор, в сквозной подворотне виднелось пятно света из переулка. Как раз там, у стены, где завершались их полеты с рыжухой. Во дворе было тихо. Шумы из переулка выходили тут глухие, как сквозь вату. Пахло известкой, мокрыми газетами и (почему-то?) псиной. Брошенное жильё, ненужное. Снег шуршит, лезет в пустые комнаты. Ш-шик, ш-шик.

Пегов посмотрел на оконные провалы, потом оглянулся.

«Вот выглянет сейчас из окна здоровенная собачья рожа. - А какого хрена полез? Прям тут, у стены, побрызгай и назад!»

Насчет «прямо тут» внутренний голос оказался прав.

Табло поликлиники за корпусом, справа от Пегова, высвечивало: 01.20, 01.19, 01.18, - стремительно приближая переулок, Пегова и весь промерзший город к большим неприятностям.

Пегов спустился уже до середины бывшей горки. Отсюда, что назад, что вперед, всё равно. Он взглянул на ободранную крышу. Собачья голова, криво сидящая на короткой человеческой шее, представилась ему теперь на чердаке, среди темных балок. Пегов быстро пошёл вперед. По дороге задел чугунный суставчатый слив и чуть не навернулся. И вот, наконец, оказался в световом овале, который видел сверху. Зачем только лез?

«Отлить-свалить!»

Пегов опустил глаза и замер. На пороге двери, выходящей в подворотню, кружился клубок. Тот самый, с дачи.

Чудеса бывают разные. Например, жалобные, в областных цирках. Когда предлагают поверить в то, что платок фокусника в самом деле сгорел. И что вдвоём с клоуном они запросто распилят толстую в зеленом трико. Ну, пожалуйста, милые зрители, подыграйте нам. Что вам стоит?

Пока он смотрел на клубок, голосок в его голове вылез снова: «Тебе уже мерещится!»

«И что с того? - спросил Пегов у голоска, - Если я поверю, будет хуже? А если развернусь и пойду обратно, к машине, тогда как?»

Клубок кружился и Пегов, не отрываясь, смотрел на него. Клубок дрогнул и скатился вглубь коридора, пропав в темноте. Но сейчас же вернулся обратно.

Табло поликлиники мигало, упрямо отмечая: 01. 01, 01.00, 00.59

«Заманивает. Он меня заманивает! - Ты что, сам с собой говоришь? - Ага. Сам с собой. И сам себя куда-то зову».

На секунду, на крохотную обжигающую секунду, Пегову стало страшно. А еще жарко и противно. Надо было закрыть глаза, отдышаться и идти назад.

«В конце концов, можно пойти домой и сказать ребятам: спекся ваш Вадя. Они же не бросят меня, правда? - Не бросят. Правда...»

00.11, 00.10, 00.09...

Закрыв глаза, вздохнул. И шагнул вперед, за клубком. Теперь казалось, что он во сне. Брошенный дом, блики от фонаря на стенах, проёмы затянуты сеткой, будто паутиной. И клубок на полу.

Пегов протянул руку и коснулся стены. Шершавой, холодной, чужой стены. Стена была самая настоящая.

Клубок катился, подскакивая на бугристом полу, огибая куски известки, тряпки и прочее барахло. Временами он пропадал из виду, но потом возникал вновь, подрагивая и кружась. Так, как делают ненадёжные предметы во сне. Наконец ткнулся в порог угловой комнаты, перевалился внутрь.

В комнату проливался свет с улицы, расплываясь полосами по полу. И было в этой комнате пусто. Клубок юркнул куда-то в угол. И пропал. А, может, его и не было вовсе.

Смотреть тут было не на что: потемневший паркет, планки в трещинах, зеленоватые стены с обоями в косую линейку. Цветочки и ромбики. Окно выходило в переулок.

Он стоял на пороге. Оказалось, ничего тут, в развалинах, особенного нет. Он просто устал, расстроился, заболела голова, продуло, простудился. Потерялся в своем одиночестве, с глупым списком, с мыслями о прошлом. Ему вспомнились всё грустное этого воскресенного вечера: как прощался с дачей, возился с фотками, ломал сундук. И нашел там книгу. Нашёл. На чёрта, спрашивается?

Так и стоял на пороге, прижавшись щекой к холодной стене. Смотрел в пыльное окно. Огни, которые просачивались из переуллка, раскрашивали стекло в зеленоватое, золотое, красное. Смотря по тому, какая именно машина тащилась в горку. На окне виднелись буквы.

Пегов присмотрелся. По ледяным разводам выведено не про жопу, не про пидоров, а всего только электронный адрес: `input@urmiel.nigde`. Пегов прочитал его раз, другой. Это «nigde» на пыльном стекле выходило как раз под настроение.

«Если взять и отправить в этом самое nigde весточку: милые, дорогие и всякие, спасите своего Вадю Пегова. Башка у него сделалась набекрень...»

Ему стало жаль себя. Выдумалось в секунду вот что – будто все его знакомые ребята и девчонки явились в Коптельском такими, как были когда-то. Они стоворились свалить всей компанией из безразличного ноябрьского города к морю. Туда, где глаза слепят блики на волнах, где дрожит в горячем воздухе башенка маяка на мысу.

Само собой, Пегова все в этой компании любят. Они же сто лет вместе, они же все свои... Но только он взял и перепутал дату на билете. Опоздал. Непоправимо. Как случается раз в жизни. И вот теперь все уехали. Но на всякий случай вывели надпись на стекле. На пыльном стекле в пустой комнате. Можно еще написать им, сообщить, закричать: это я, Пегов, я опоздал, не успел! Пожалуйста, заберите меня отсюда. Иначе я пропал... Про-пал!

«А клубок? - Клубок вроде мелких пакостей, без которых ничего не... - А книга? - Книга от бабки. - Так бабка же померла. – Ну, тогда от чертей. - Чертей не бывает! – Это как сказать».

В узком проходе между наружной стеной бывшего дома и стеной зашуршало. Пегов поднял голову. В голове скакали крохотные злые

мысли. Он шагнул назад, обернулся и...

Снаружи хрипло заорали. Не так, как пьяные во дворе и не так, как на футболе. А так, как орут солдаты, вылезшие из окопа и бегущие вперед. И убивать солдатам страшно, и умирать тоже страшно.

Пегов все ещё поворачивался. Ему казалось, что воздух уплотнился, сделался кисельным и он завяз в стыллом воздухе. Ему уже не выбраться в коридор. Прохожие, сквер, булочная, машина, гипер - все провалилось в мрачный сон с разлитым по углам чернильным страхом, с грудями жалости у подоконника и загаженными злостью стенами.

В стекло ударили с такой силой, что осколки брызнули внутрь комнаты и рассыпались по полу. Расширенные зрачки Пегова отразили здоровенную лапу в драной солдатской рукавице. Трёхпалая лапища просунулась снаружи, ухватила оконный переплет и рванула его наружу. Рамы скрипели, звякали, но пока ещё держались.

Пегов, спотыкаясь, пробежал по коридору и вывалился в переулок. Сердце бухало чуть пониже кадыка и толчки тяжело отдавали в затылке. Он бежал к машине, тиская брелок. Оглядываться было некогда. Сигналка сработала, дверцы щелкнули и в салоне мигнул плафон. Кое-как, насилуя стартер, Пегов выкатил машину в сторону Коптельского, прижал педаль и покатил против движения вверх по переулку.

Через полчаса Пегов оказался в гиперке на Спасской. В полной безопасности, под яркими плафонами у касс. Он присел на бортик и задумался. Кассиршны решили: пьяный. А он, Вадим Пегов, был как стеклышко. Только вид имел жалобный. Как у бродячей собаки.

Так он сидел на бежевом бортике и разглядывал супер. Все тут было на месте. Никто не орал, не бил стекло. Тарахтели кассы, из-под потолка сладкий голос убеждал прикупить сосисок, пока дешевые. На экране плазмы пробежали строчки про зарплату знаменитых футболистов. Пробежали и возвращались вновь. Но Пегов ничего этого не замечал. Ему позарез надо было договориться с самим собой.

«Клубок тот самый, с дачи. - Нет! Это был просто клубок. Совершенно посторонний. - Говорю же: тот самый. - Тебе виднее...»

После беготни в бывшем доме № 32 внутренний голос сделался покладистым. Пегову это не нравилось.

«А лапа в рукавице? - Это бомж. Как пить дать. - А зачем он? - Глупый вопрос. Бомжи не в себе... Ладно, плюнь на лапу, думай дальше. - Тут вот такая линия: книга - клубок - снова клубок - надпись - лапа...»

Он вытащил сотик и набрал в голубоватом поле записной книжки сотика: `nigde.urmiel@input.output`, `input.output@urmiel.nigde`.

«И к чему тебе записки эти? - Ну, как же... Все это вместе что-нибудь, да значит. Надо только сообразить. - Тебе-то что с этого? - Ну, мало ли... - На стекле мальчишки писали. Лазали там и написали. - А клубок? - Померещилось тебе, понимаешь? Не было никакого клубка. - Ладно, ладно. Не было... Могу я им написать? - Кому «им»? Сказано же...»

Пегову снова пожалел себя. Слово «мерещилось» перевернулось, превратилось в «щемит», потом в «милый». Пегов поднял голову. Кассирша из ближайшего стеклянного домика разглядывала его с явным подозрением. Пегову стало стыдно. Он поднялся и оглядел зал. Беседовать с голоском можно было и на ходу.

«...Само собой, померещилось. Само собой, мальчишки. Что же, мне так в этом ноябре и сидеть? - Раньше надо было думать, понял? И вообще, хорош тут высиживать, пойди, купи копчухи. И двигай домой!»

Мужик в куртке, на которой вышит был симпатичный медведь, катил мимо Пегова тележку с капустой, пачками замороженной кукурузы, помятой курицей и блестящим батонем салями. К мужику подбежала девочка, покрутила головой в розовой шапочке.

- Пап, а взрослые могут снова маленькими стать?



## Из главы второй

*Пегов и его соседи-бобыли. Прошлое и настоящее штурмана Кирилла Пудовского и Гены-мотоциклиста. Колокольный особняк. "Хочу назад жить!" Позабывший день рождения. Список 220. "Пускай обе Тани, Ирка, Зоя Дмитриевна..." Сборщик дани. Перечень девочек. Опасное имя Urmiel. Двор из небытия. "Не будь дураком, вызови Урмила". Жизнь на косметической фабрике.*

Посреди кухонного стола стояли чашки. На одной из них нарисована была девица в сарафане. По ободу вилась надпись: «Я невеста неплоха, выбираю жениха». На другой чашке размещался паренек: «Женишок не грибок, в лесу не родится». Больше всего Пудовскому нравилось, что «не грибок». Генка притащил из комнаты бутылки, Пегов разложил на тарелке копчуху. Кирюша Пудовский, худой и моложавый, бывший флотский штурман, оглядел длинную кухню и сказал треснутым голосом:

- Мало ли там всякой шушеры. Нашел, куда пойти. Тут же вокзалы. Всякое бывает. Вот и сообразите: позарез нужны патрули, проверки, особый режим. Всю Каланчевку разом вычистить!...

Пегов кое-что рассказал своим соседям про бывший дом 32: зашел, мол, отлить, а там лазают. Непонятные какие-то, в драных рукавицах солдатских. Стекла бьют. Про книгу, клубок и адрес на стекле ничего говорить не стал. У него вдруг появилось детское ощущение: нашел гусеницу мохнатую, запихни ее в коробок и держи в кармане, когда захочешь, предъявишь. Сунешь потом в рожи приятелям: зырь, что у меня есть!

Пегов и Генка вздохнули. Кирюша верно все говорит про патрули, но он зануда. Что там трепать, ясно же: как было, так и будет. А он вбил себе в голову, что исправить можно. Пока он не развернул про проверки дальше, надо было его перебить.

- Пандус в Грохольский выведут. Дом наш в стороне. Не обломится нам, - начал Генка.

Клиника имени Склифосовского или Склиф, как ее называли местные, занимала квартал рядом с их особняком. Склиф непрерывно расширялся и для новой токсикологии требовался теперь наклонный въезд для неотложек, пандус. Если его устроят в Коптельском, особняк могут и снести.

Тема бомжей из бывшего дома 32 по Грохольскому погасла, чтобы вернуться в квартиру самым неожиданным образом. Но об этом никто из троих еще не подозревал.

- Откуда знаешь?

- Валюшка сказала.

Кирюша покачал головой. Раз Валюшка сказала, так и будет. Валюшка, подруга Генки, работала в местном расчетном центре и раньше всех узнавала новости. Значит, бывший особняк колокольщика останется на месте. А вместе с ним и Клуб бобылей Коптельского, как прозвал их трио Пудовский.

Пегов не зря считал этот переулочек насквозь своим. Когда знаешь каждый закоулок, подъезд, ограду, дерево и клумбу в округе, почему-то кажется, что это и в самом деле твое.

Бежевый домишко № 24, где жили трое бобылей, когда-то принадлежал владельцу колокольного завода. Сам хозяин проживал во флигеле, стоящем в глубине двора, а бежевый домик сдавал чиновникам. Дед Пегова въехал сюда с молодой женой в мае 1899. Чиновник средней руки, он снимал квартиру из четырех комнат (спальня, гостиная, детская и еще комнатка для прислуги). Медная табличка «Надворный советник Пегов». После революции жильцов уплотняли, появились коммуналки. Особняк сделался шумным. К концу тридцатых годов расцвели в его окнах оранжевые, голубые и бежевые абажуры. На дверях повисли почтовые ящики с названиями газет на дверях, намалеваны были мелкие надписи эмалевой краской («Колыхановым три раза») и высунулись розетки звонков.

Жизнь быстро бежала по переулочкам Мещанской стороны: война, эвакуация, буржуйки на паркете, сараи, разобранные на дрова, Склиф, набитый ранеными. Победа. Отмена карточек. Хрущев. Новый гараж для неотложек. Брежнев. В переулочек потянулись самосвалы и бульдозеры. Ломать не строить.

Дети в валенках и зарядка во дворе. Сосед напротив – милиционер дядя Сережа в синих галифе. Художник из «Крокодила» живет во

флигеле, по субботам вывешивает на фанерном стенде новые карикатуры (сионисты с когтистыми лапами, дядя Сэм в цилиндре, из подмышки у него торчит базука). В скверах катки и горки.

Вся эта канитель (свадьбы, консультации, ветрянки, бабки, собаки, балконы, ремонты, прописка по лимиту) тянулась до восьмидесятых. Потом особняк опустел. В Москве поднимались бетонные коробки, теперь было, куда податься, люди как-то выкручивались, менялись, женились. Выкупали пай в кооперативах по объявлениям в воскресном приложении к «Вечерке». Пудовский уехал в Питер, поступать в «высшее мореходное» имени Макарова. Закончил его, пошел плавать.

Переулок заполняли «докторские» дома. Родители Пеговских приятелей работали в Склифе. Зайдешь к кому-нибудь, а там мама сидит у раскрытого анатомического атласа, где разрисована вскрытая грудная клетка. Мама пишет статью.

Тут у медицинского начальства и появилась идея снести бежевый колокольный особняк в Коптельском. Жильцы затаились и судачили на кухнях («Всем отдельные дадут!»), кое-кто прописал к себе дополнительную родню. Но особняк, попав в орбиту Слифа, там и заглох. С одной стороны, «бумажный плацдарм». «Строим! И дальше, до самой Спасской, будем строить», - говорили в отделе капстроительства. С другой стороны, деньги кончились как раз на громаде нового корпуса и вытянутой пристройки токсикологии. Пандус был уже мелочью. Теперь вокруг сооружали шикарное коммерческое жилье, про бежевый особняк забыли. Жильцы понемногу разбежались. В конце концов, остались отъявленные аборигены-неудачники, да жертвы бурных разводов, как, например, Генка. Оставив двушку на Фрунзенской, он оказался в Коптельском.

Пудовский долго болтался штурманом «по северам»: Мурманск, Архангельск и все такое. Потом его «Баренц» полгода ходил в Хельсинки. И, наконец, их сдали Республике Мали. Со всем экипажем. Весной вези швеллеры в тропики, где и торчи до осени на местных рейсах, лови малярию. Это Пудовскому не слишком понравилось. Он поскандалил, поискал пару недель правды и уволился, осел в тихой гавани Сухаревки. Открыл свою комнату, разобрал вещички, съездил в Донской крематорий, проведаль покойную родню. И вступил в Клуб бобылей. Но флотские его замашки («Слушайте все!») оказались неистребимы.

Пегов удивлялся про себя, уж он-то ладно, скучный инженер, а эти двое, Генка и Пудовский, ребята хоть куда. Один спортсмен (тренер по мотоспорту на стадионе «Наука»), другой вообще штурман. А только ни одного просвета, у всех троих. Пудовский работал теперь в какой-то левой конторе («Гурьевские питьевые и минеральные воды»), Генка – на стадионе, у Спартаковской, вечным «кандидатом в мастера».

Пегов поднялся и подошел к окну. Окна кухни выходили во двор (клумба, дорожка, ограда и ворота с побитыми шарами наверху). В глубине двора белый флигель, дальше тянулся дощатый забор, за ним маячила коробка интерната. Правее, уже на Спасской, поднимался старинный, желтый с белым ломбард.

- Сообщить надо. Сколько нас тут осталось, полтора инвалида. Пускай скинут по квартирке.

- Кому сообщать-то?

В колокольном особняке народа теперь, в самом деле, проживало немного. Первый этаж – нежилой, домуправ навалил там мешки с цементом. На втором Склиф размещал командированных. Как-то приезжали военврачи на конференцию, веселые дядьки. С ними бобыли устроили вечеринку. На третьем, кроме их квартиры, была еще одна, шестая, которую бобыли прозвали «урюк-изюм», ее сдавали торговцам с Сухаревки. Те хранили там мешки с сухофруктами. И еще кое-что.

- Депутату нашему, вот кому. В две недели ответить должен. Что ему еще делать?

- Как это что? Делить. Как разделит, так займется нашим домом. И поедешь ты, Кирюша, в Троицк. Это теперь тоже Москва.

- Не хочу я в Троицк.

- Раз не хочешь, надо по-другому. Валечка узнает, кому и сколько надо дать, признают дом ветхим. Может, в Марьину рощу сунут.

- И туда не хочу, - упрявился Пудовский.

- А чего же тебе надо?

Пудовский пожал плечами.

- Слыхал, что он вчера в супере устроил? - спросил Генка у Пегова, - Вывел наш Кирюша «коммунизм-минус».

- Ух, ты, минус! Расскажи.

Пудовский поставил чашку на стол и выпрямился.

- Сейчас какой у нас строй, а?... Нет, не то. Демократия – это для телика. На самом деле у нас коммунизм-минус. Всего навалом, но деньги остались и воруют будь здоров. Зато сыра 24 сорта. Такой вот коммунизм, за минусом социалки. Вот об этом я в супере и сказал. Сами так захотели.

- Когда это?

- У Ельцина, Гаря, на референдуме. В девяносто третьем. Когда «да, да, нет, нет» вывели.

- Тебе не всё равно? - задумчиво спросил Пегов, двигая вилкой по блюдечку. Блюдечко было старинное, с тонким голубым ободком. По краю вились тонкие ветки с красными яблоками. Бабушкино еще блюде, Евгении Лексанны. С вензелем и клеймом: «Фабрика Гарднеръ. Поставщикъ Двора Е.И.В.».

«Ну, пошло-поехало... Опять про то же! Митинги, обсуждения, почему не я главный и прочее...»

- Вадь, ну, а ты чего хочешь? Вот скажи, чего ты в жизни хочешь?

- Хочу назад жить.

Генка хмыкнул: Пегов мог завернуть иногда такое, заслушаешься.

- Это как?

- Вот вы оба в жизни много приятных людей видели? - спросил Пегов и оглядел бобылей.

- Не считал, - задумался Пудовский, - Хотя тут надо определиться: в каком смысле приятных. Одно дело, приятель, другое дело, тетка. Симпатичная, покладистая...

- И готовит еще, - вставил Генка.

- Тётка, - покачал головой Пегов, - а девушки как, барышни там?... Почему у вас все об одном: выпить-трахаться?

- Ты не прав, - усмехнулся Пудовский, - у нас есть еще тяга к духовным радостям. Правда, Генка?

- Угу. Есть, конечно. Еще какая, - согласился Генка, - Ладно, Вадь, ты не кисни, объясни по-человечески: хороших - это каких?

- Хороших, Гаря... Которых потом долго вспоминаешь, не посидели, мол, еще разок, не поговорили. И жалко тебе, что не увидитесь вы больше.

- Нет, надо все же разделить. Мужиков - в одну папку, баб... то есть, дам - в другую.

- Ладно. И сколько в каждой папке у тебя народа выходит?

- Мой дед, например, егерь был, - ровным голосом начал Генка, - Вставал рано, часов в пять. Влезет на кобылу и в лес умотает. К обеду вернется...

- Ну и что, только дед у тебя из хороших-то? - покривился Пудовский.

- Почему? Еще Валюшка.

- Итого двое, дед и Валюшка, - вздохнул Пегов, - Не о том разговор, ребята... Тут понял я одну штуку: таких хороших, которые к тебе всей душой, которых ты любил, которые тебе... Ну, вот каких, понимаете?... Насчет этого у каждого в жизни лимит установлен. В обычной простой жизни. Гагариных-то мало, чтоб тебя миллионы просто так любили, заочно... Я ведь про нас. Сколько, думаю, у меня таких людей было. Сел, подсчитал, вышло 220 человек. Три четверти, конечно, училки, тетки, кума мамина, сдобная Лидка, девчонки, из школы там, с дачи. Один раз... всего один раз в жизни на мой день рождения газету выпустили. Было это под Ригой, в местечке Дзинтари, на взморье. Собрались шесть знакомых девчонок, из санатория, и выпустили. Там еще такой был лозунг: «Что пожелать тебе не знаю, ты только начинаешь жить, от всей души тебе желаю, с хорошей девочкой дружить»... Да. Было мне лет десять. И они меня любили. Как умеют любить только девчонки с девяти до двенадцати.

- А потом? - буркнул Генка, раздирая копчуху.

Пегов развел руками. Пудовский хлопнул Генку по плечу.

- Сейчас не про «потом» у нас передача, понимаешь?

- Угу...Что ж непонятного? У нас в команде была одна. Алькой ее звали. Худая, глазастая. Стальная девка. Тренер ей говорит: смотри, Алька, на повороте не наклоняй машину, опасно. Ну, вышли мы на троеборье в финал. По молодежному еще разряду. И тут Алька как выдаст, первая она шла... Но не рассчитала она, наклонила до предела и... Выхлоп по дорожке долбанул. Выжгло там все.

- И что? - откликнулся хмурый Пегов.

- Вылетела она метра на три... И под барьер. Пока несли мы ее до неотложки, еще дышала...

Все замолчали, размышляя о давно пропавшей отчаянной Альке. Потом Пегов отхлебнул пива, поморщился и сказал:

- Вот я гляжу на этот список и хочется мне каждый день болтаться не среди чужих, безразличных, а чтоб как тогда, тем летом, под Ригой.

Это ведь, наверное, счастье, если в глаза тебе смотрят и улыбаются. Если ждут, скучают...

- Хочется. Конечно, Вадь, хочется, - кивнул Генка и усмехнулся.

- Я не хочу, как все, из четверга в пятницу, - упрямо продолжал Пегов, - а из марта в апрель. Вы что, не видите разве? Мы же лишние. На балансе числимся, но уже как балласт. Ничего не дождемся, так в утиль и сдадут. Надо было раньше, надо... Это я все понимаю. Только я не про «было» говорю, а про «сейчас». Раз так вышло, случилось, вот так, - он указал на потолок кухни, а потом ткнул куда-то в стену, - то я, Вадим Алексаныч Пегов, хочу...

Пудовский смотрел на приятеля с удивлением.

- ...Притормозить. И оглядеться. Не думать, что еще на нас из телика вывалят. Не хочу я от этой мути зависеть. Пускай сделается тут приятный такой уголок. Небольшой, зато мой собственный. Только я и те, с кем мне было хорошо. Неважно, десять лет назад или тридцать, но было хо-ро-шо. Ясно вам?

Генка смотрел в окно. В пустой палисадник с клумбой. Машины лениво тянулись по переулку. Полосы света прыгали от фар на ворота, оттуда на скамейку, потом обливали белым стену флигеля. И пропадали.

Бобылям стало жаль Пегова. Если призадуматься, кто же от такого откажется. Только так не бывает. Пудовский хотел было вставить про сопли, но передумал. Еще обидится.

- Хочу, чтобы те, из списка, здесь оказались. Все, с кем мне было хорошо. Только свои. Те, про кого я все знаю. Пускай...

Пегов заговорил громко, как будто тот, кто исполняет желания, стоял в конце коридора и ему надо было объяснить каждую мелочь. Дверь в комнаты Пегова скрипнула и приоткрылась. Как раз на слове «пускай». Возможно, это было совпадение: петли старые, сквозняки. И дверь открылась сама собой. С другой стороны, учитывая клубок, часы, идущие назад и лапу в варежке, черт его знает. Как бы там ни было, из кухонного их угла двери не было видно, поэтому бобыли так ничего и не узнали.

- ... Пускай обе Тани, Ирка, Зоя Дмитриевна, точно такие, как тогда были, здесь окажутся... Ты помнишь, Кирюш, немку нашу, завитую, щекастую?

- Ну, ты вспомнил. Она ж в аварии погибла... давным-давно... Откуда ей тут взяться?

- Если Енисей... На полстраны река, Енисей-то!... Если взяли эту реку и перегородили, - разошелся Пегов, - а в ракету можно запихнуть сотню Хиросим, ни за что я не поверю, будто нельзя вызвать тех, кто в моем списке! И заживу я назад... Ясно?

Пегов замолчал и жадно отхлебнул из чашки. Генка и Пудовский переглянулись. Пудовский потер длинный нос. Надо было странный этот разговор сворачивать. Только он не знал, как бы это попроще сделать.

Генка кашлянул.

- Куда уж яснее... Горазд ты, Вадя, выдумывать.

Пегов хлопнул по столу ладонью и сделал такую рожу, как будто собирался немедленно предъявить бобылям десяток девчонок с Зоей Дмитриевной в придачу.

- Выдумывать?... Ну, да, да.. Но, если хочешь знать... Ладно, все! Не поняли вы меня. Не поняли!

И он замолчал, задумчиво глядя в окно. Генка вздохнул и потер лицо ладонью.

- Серьезное дело. Базу подвел. Ракеты, мол, лепят, чего же Ваде Пегову девчонок не вылепить... Зачётно! А жить, хотя бы и назад, на что станешь?

Пудовский ухмылялся, оглядывая приятелей: «Как это они так быстро набрались. И пили-то одно пиво. Генка уже весь красный. Волосы ерошит, щурится. Значит, отбой, пора по кубрикам. Завтра на работу. А девчонки пускай Пегову ночью приснятся. Подумаешь, список... Интересно, а у него самого сколько таких вот, хороших, в жизни было?»

- С этим просто, - махнул рукой Пегов, - на Мещанской дом стоит - девять этажей, семь подъездов. И такой же в Капельском. В начале месяца подхожу я туда, нажимаю кнопку мудафона: але, ребята, сёдня пятое. На каждом этаже четыре квартиры. Одношка, двушка, две трехи. С однушки три штуки беру, с двушки пять, с каждой трехи по семь. Вот и все. Лимон триста с дома. А ведь можно еще и двадцатого зайти.

Пудовский с интересом смотрел теперь на Пегова. Выходило, в самом деле, гладко. Девять этажей, семь подъездов.



- У него, Генаш, все подсчитано!

- За что же тебе по трёхе давать? - удивился Генка.

- В этом и штука. Кто сомневается, тому лезть нечего. Только тем, кто уверен... железно, понимаешь?... Именно тому будут давать и все. Еще и с удовольствием. И заметь, каждое пятое и двадцатое! Вот какая у меня конструкция... А тебе, Кирюш, чего не хватает?

Пудовский уставился на Пегова. «Неужели и у него такая сонная рожа? Ленивая пропащая рожа». Соображал он еще ничего себе, но мысли бродили как будто в киселе, соскальзывали с языка и прятались в затылке. «Впрочем, что такого, завтра проспятся и все это окажется только болтовней. Пеной! Но это завтра, а сейчас...»

- У тебя, Вадик, получается что-то вроде аквариума. Плавают рыбешки, таращат глаза. Корма глотнут и порядок. Метель там или жара, март или июль, им дела нет. А я вот так, в стороне, на обочине, не хочу. Все могут договориться и жить нормально, друг другу не мешая. Только надо людей расшевелить. Вот бы за это взяться. Да...

Пудовский замолчал и уставился в окно.

- О чем это он? – спросил Пегов у Генки.

- Как в супере сцепился, забыть не может.

- Не в этом дело... И еще бы сто раз сцепился. Я хочу, чтоб меня слушали. И соображали, что прав.

- Какая им, Кирюш, разница, комунизм или реализъм?

- Никакой. Но я тебе про другое, чтоб слушали и понимали. Одного меня. Можно так устроить?

На лестничной клетке раздались голоса. Генка прошел в прихожую, открыл входную дверь. Звякнула цепь.

- Во, устроили уже! Урюк приехал.

Смуглые парни таскали мешки из квартиры напротив. Мешки были, как видно, тяжелые. Парни крутили одинаковыми стриженными головами, переговаривались тихонько. Дверь подъезда скрипела, звякали стеклянные ромбики в переплетах.

- Урюк. Изюм... И гашиша немножко, - бурчал Пегов, покачиваясь в прихожей с носков на пятки.

Бобыли вернулись на кухню. Пудовский сидел теперь грустный. Пиво свое он допил, больше не хотелось. Пудовский, как уволился с флота, переживал, что потерялась линия. Он был уверен: у каждого должна быть линия, по которой надо в жизни ехать. За все годы, что

плавал, город, который он знал наизусть, изменился. И Пудовскому казалось, что не только у него, но и у остальных отняли верную линию. Даже и те, кто в этом новом мире чувствует себя неплохо, только вид делают вид, что знают дорогу. Ни хрена подобного. Как на тракторе по дремучему лесу, того гляди, гробанешься.

- Ну, пускай они все тебя слушают, Кирюш, пускай. Ты их научишь, как надо.

- Да не в этом дело. Вы же не поняли ничего, - Пудовский насупился, - А тебе, Генка, чего не достает?

Генка усмехнулся: всех прям сегодня разбирает, вечер желаний.

- Музон чтоб кругом, рожи чтоб веселые. Огни по вечерам переливаются. Стадион чуток обновить. И порядок!

У Генки выскочило в голове то самое апрельское утро, когда его подставили на первенстве. Вот если б он тогда взял золото, что вышло? Только что теперь зря болтать. Назад не вернешь. Еще б лет пять стадион простоял. А там посмотрим. Мало ли, что кому хочется?

Парни загрузили мешки в «газель», она стартовала и выкатилась в ворота дома 24. Фонари раскачивало на растяжках. Еще мигали окошки в доме напротив, еще тянулись машины с Садового. Но воскресный вечер окончательно кончился. И завтра будет то же, что и в прошлый понедельник. Как и десять понедельников назад. Назад...

Хмурый Пудовский поднялся и пошел к себе. Пегов сидел, прикрыв глаза. За пивными разговорами он совсем забыл о книге. Как принес, сунул ее в шкаф, на полку, между Сенкевичем и Далем. С книгой этой надо было разобраться. Но сначала он пробьет адресок. Тот самый, с разбитого стекла. Там про *urmiel* и *nigde*.

Пудовский распахнул створку шкафа. Потом двинул плотно висящую одежду.

Финский замшевый пиджак. Старье. И вельветовый. Тоже старье. Черное пальто с хлястиком. Ленке нравилось, когда он его одевал, даже больше, чем форма. Где-то теперь его Ленка?

Вот как вышло. Сколько ни перебирай на кухне свои выдумки, ничего уж не сбудется. Так и просидят свою жизнь среди рухляди, никому не нужные.

Он достал из шкафа завернутый в целлофан форменный китель. Темно-синий, с золотыми нашивками. Распаковал, уложил на кровати.

Вот когда была жизнь! У поручней встанешь, фуражку сдвинешь «по-адмиралтейски», ветерок насквозь продувает. На флоте у каждого свое место, не то, что здесь. Тогда чего ты на берег списался? Из-за малярии? Испугался, да?

Пудовский стянул футболку, надел белую сорочку, порылся на полке, вытянул черный галстук. Потом потащил брюки. Натянул темно-синие одежды и выставился у зеркала. Роба помятая, конечно, но вид еще ничего. Потянет еще штурман Кирилл Пудовский. Рано ему на свалку.

Интересно, почему для того, чтоб тебя слушали, надо вырядиться в мундир?

Время от времени Пудовскому хотелось заявиться в таком виде куда-нибудь в людное место, на концерт там или в кино. Как будто все еще тот самый март 99-го, а Ленка его просто опаздывает. Она ведь ему еще снится. Еще снится... Хотя давно уж Ленка замужем, за каким-то толстым хрычом. И о нем, о Пудовском, и думать забыла. Или он тоже ей снится? Вряд ли.

Впрочем, сам Пегов, знать не знал, что его выдумки так задели соседей-бобылей. Он стоял у окна в спальне и таращился в переулок. Но не видел косо летящего снега, шаров над воротами, кое-как ползущих машин. Ему не мешал фонарь, который ветер с удовольствием раскачивал на стальных тросах. Пегов включил ноут и открыл файл (Excel, 76 КБ) под названием «Список 220».

С годами, погружаясь в коммунальную «вроде жизнь», он все чаще раздумывал о тех временах, когда ему было хорошо, когда его еще было, за что любить. И соорудил в конце концов этот список. Оказалось, за всю его жизнь именно 220 человек были ему чем-то симпатичны. И он им, наверное, тоже. Кто-то из них в самом деле его любил, был его другом, кто-то строил ему глазки, не подставлял, шептался с ним о чем-то и всё такое прочее, задушевное. Всё, что остается от жизни, когда она проходит.

В файле оказались многие тетки из пеговского детства (Марина, Ира, Лора, Таня, Люся, Аля), с десяток училок, подружки со двора, ребята и девчонки из школы, кое-кто с дачи. А еще странная девочка Лиля из Полтавы и смуглая Лена, в белом платице, с которой они ездили в Парк культуры. Однажды, в дикую жару. Кудрявая Олечка, профессорская внучка. Торопливая Таня Беньямсон и ее сестра-

бесстыдница. Все, кто был указан в списке, имели теперь одно важное свойство: они любили Пегова. Ведь больше любить его было некому.

Фотки из добытого на даче альбома можно отсканировать и вставить сюда, в список, приделав ссылки. Файлом заведовал Пегов и там, среди электронных образов, он мог устраивать все, что хочется. Одно дело, когда мальчик обожает взрослую тетю, а она делает вид, что ей приятно. И совсем другое, если мальчику этому «за сорок», а тетя все такая же. Далее... Можно влезть в отношения Марины с мужем, задохлым театральным администратором. Отбить у него рыжую, поместить у себя, в Коптельском. Вместе ходить в театр, обедать и ужинать. Спать с ней, наконец.

Вызвать дачную компанию в полном составе? Запросто.

Расспросить, как жили в своей яркой послевоенной молодости дядя Вася и его Анечка (кудряшки, рубиновые сережки, родинка на шее, когда смеется, отворачивается)? Пара кликов.

Узнать, куда пропала Лена Кулешова из Угольной и была ли она счастлива потом, без него? В один щелчок.

За ночь можно было прожить десяток чужих жизней. Жаль, что по утрам все вокруг становилось на место. На своё однозначное буднее место. Утром выходило одно: одиночество - материя прочная.

Но на бледно-серых комповых линиях упрямо цвели истории из позапрошлой пеговской жизни:

#### *Ячейка D16. «Таня с дачи».*

Однажды в августе их компания (Оля Фронк, Костя, Андрюшка, Оля Флёрова, ее сестра Надя и так далее...) собралась в кино. Но потом оказалось, что пойдут только Пегов и Таня. Сейчас ни за что не вспомнить, какой фильм. Нет, надо вспомнить. Как и всё до мелочей. А фильм был вот какой - "Дознание пилота Пиркса", там был эпизод, в баре на сцене танцевала девушка топless с сосками, выкрашенными чем-то серебристым. На эти штуки и Тане, и Пегову смотреть было стыдновато.

Они возвращались по вечернему полю, потом пошли между дач. Все теснее прижимаясь. На углу их занесло под большие старые ели, к самому забору. Они поцеловались, раз, другой. Мельком, без затяжек, как целуются дети. В щеку, в ухо, в шею. Куда попадет. Оказалось, что лучше всего получается именно в губы.

Таня была невысокая, Пегову пришлось наклониться. Они торопливо обнимались, как будто знали, что времени в обрез. Целовались уже повзрослому, солонее, набирая опыт по секундам, замирая, обжигаясь. Целовались, напрочь позабыв, куда шли. Как будто попали на еловый остров, где нет людей, нет утра и ночи, вообще нет ничего, кроме этих елей, травы и забора из реек. Не в силах отпустить друг друга. Непонятно было, где твоя рука, а где ее. Они съехали по рейкам в траву, продолжая целоваться.

Тут из глубины участка послышался кашель. Негромкий такой, но настойчивый. Понятный такой кашель. Чего это вы, ребята, у моего забора делаете и не пройти ли вам на хрен отсюда.

Они вскочили, выбрались на дорогу и зашагали рядом, как заводные игрушки. Дрыг-подрыг, рука-нога. Автоматом... В ушах звенело. Двух аборигенов буря выкинула с елового острова. И они с удивлением разглядывали Полевую улицу.

Странно, что они вообще попали тогда домой. Пегов не помнил, поцеловал ли он свою маленькую и растерянную подружку на прощанье. Ничего из той горячки, конечно, не вышло. Хотя они виделись и следующим летом. И потом, осенью. Спустя пару лет, когда всем надо было куда-то поступать, компания их растаяла.

И сколько не прохаживался Пегов около знакомых ворот, ни разу уже не встретила ему та девочка. Худенькая странная девочка с длинной фамилией Беньянсон. Продали ли они бабушкину дачу, покинули эту страну или улетели на Марс, кто знает. Одно было ясно, ни друг друга, ни елового острова им больше не видеть.

*Ячейка D44. «Оля Фронк».*

У нее была прическа «под Мирей Матье». Мама одевала Олю с большим вкусом, что выделяло ее среди других дачных девочек.

Пегов каждый май приезжал в березовую рощу и выжидал эту Олю у столба на углу. Выжидал, смутно поняв через пару лет, что она к нему равнодушна. Это была одна из тех безответных и ясных влюбленностей, которые часто приносит тебе куда больше, чем взаимная глупость, которая погружает мам и бабушек в нехорошие раздумья. Папы, кстати, редко принимают такие вещи всерьёз... Они, как видно, полагают, что все можно решить нагоняем. Наивные папы. История Ромео и Джульетты их, как видно, ничему не научила.

Здесь, на райской лужайке, между прудом, под старыми березами, у дорожки к правлению протекала их летняя жизнь. Позднее они носились на мопедах по улице с жалобным названием Ленточка. Оля всегда появлялась свежая, чистенькая. Брюки (или желтая юбка), кофточка, кроссовки.

И вот как-то показалась на той лужайке Олина мама. Стрижка у нее была покороче, но зато глаза крупнее Олиных. Она (мама) была вовсе не такая замороженная, какими бывают девочки в пятнадцать. Они оглядела Пегова и что-то спросила у него. В этот момент он оказался вне игры. Его зачурали, осалили или совершили над ним еще какое-то магическое действие, после которого он попал в простой. И что у них вышел за разговор с Олиной мамой, черт его знает. Они смотрели друг на друга и разговаривали. Волосы у нее отсвечивали рыжеватом в закатном солнце.

Дело было вовсе не в том, что мама этой Оли была какой-то невероятной красавицей (ну, рослая, ну, глазастая, худая, круглый подбородок и крупный нос), просто она смотрела на Пегова и видела его. Для нее это был просто человек, не «какой ты молодец» (говорят безразлично, глядя в сторону) и не деталь пейзажа («не знаю, что это за мальчишка»). Просто Пегов, такой, как есть. Вот от этого внимания он и растаял.

Игра на поляне продолжалась, ему пришлось прервать тот замечательный разговор. Потом ему удалось пару раз (но уже мучительно кратко!) говорить с Олиной мамой, а потом настали какие-то новые глупые времена, которые губят детские дачные компании. Где это написано, что, если в десять люди - не разлей вода, надо обязательно расставаться в шестнадцать? Но, как видно, в этом возрасте мамы девочек прицеливаются на других мальчиков, не из времён велосипедов и земляничных полей. Что же, им, мамам, виднее.

На его, Пегова, несчастье, все это - закаты над лесом, проулки в лопухах, велосипеды, прически, щенки, крыши, коты, глаза, ели и пруд в березовой роще, разговоры - все счастье той, молодой жизни - слишком глубоко пропечаталось у него в голове. Он входил в свое прошлое, запросто, как входят в теплую июльскую воду. И оказывался там, где дремлет на цепи пес Пират, где можно сесть на велик и оказаться в роще. В той самой роще, где загорелая женщина

поправляет прядку волос, а потом смотрит на тебя ласковыми темными глазами.

Пегов мог и теперь дать руку на отсечение: мама Оли поняла, что нравится ему. И это было глазастой маме приятно.

*Ячейка D60. «Ира с овчаркой».*

Девочка с проезда Победы. Проезд этот представлял собой узкий перешеек между дачами, в середине которого врыли в землю бетонный столб, чтоб не ездили насквозь. Так что скорее не проезд, а тупик Победы. Вечно сумрачный из-за густых старых сосен. Там были зеленые заборы, синие заборы, заборы из сетки и таблички на калитках: «Во в дворе злая...». Понятно, что не добрая. Проезд этот выглядывал на улицу пошире. На Садовую, Полевую, имени Фадеева? Какую-то там. И упирался в забор брошенного детского сада.

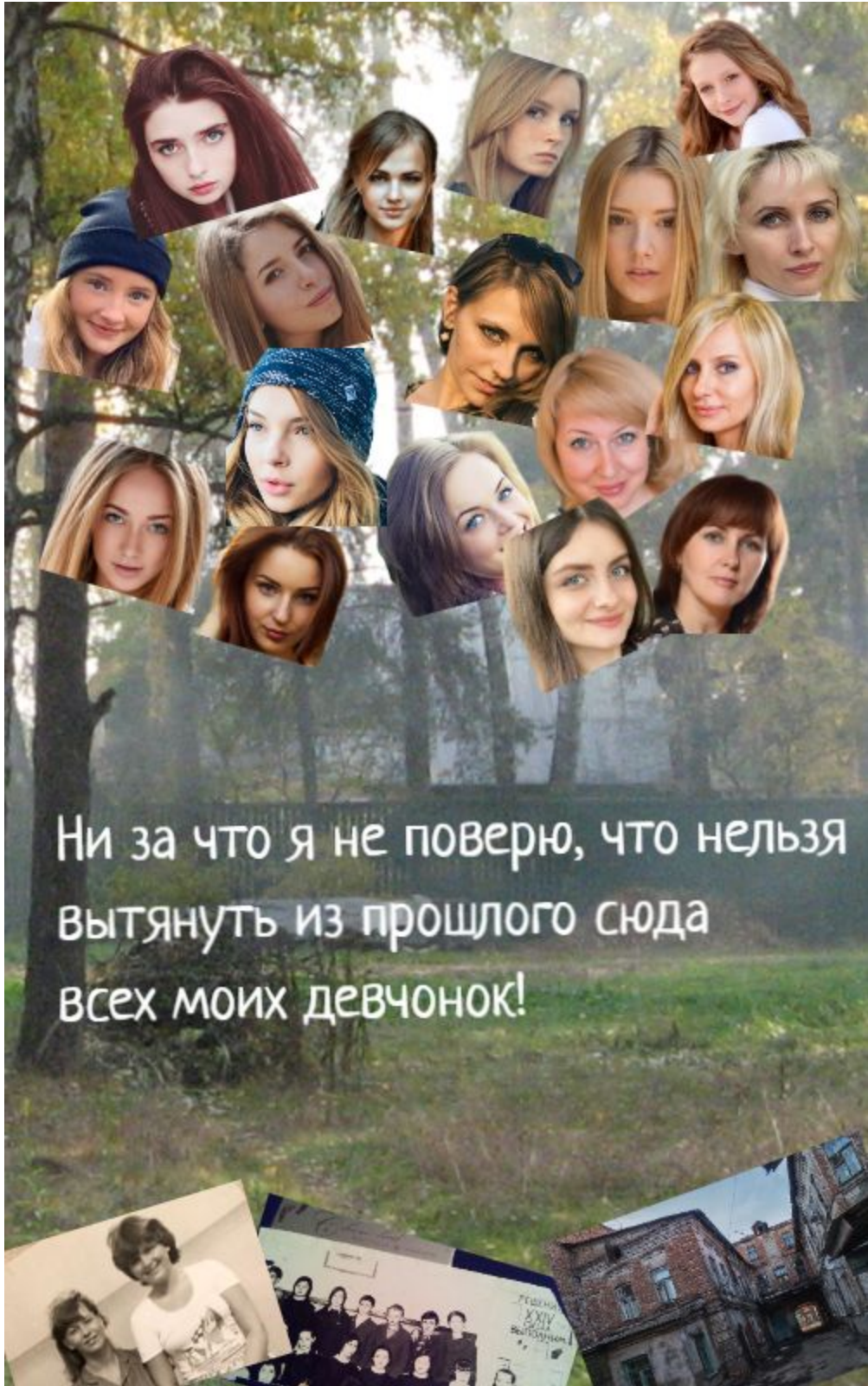
И вот он, Пегов, тянет эту Иру в заглохший сад, мимо проходной, забитой кое-как досками. Ира оглядывается, соображая, не видит ли кто-нибудь, что они делают, потом продует выдраться от Пегова. Ира и не прочь, и сомневается: ну, зачем, скажите, пожалуйста, ему все это надо? Пегов хватает ее за тонкий локоть, и что-то ласково говорит, и Ира кивает: наплевать и пускай! В саду он немедленно прижимается, мгновенно вылетая из реала, целует Иру, совершенно несерьезно, просто чмокает ее в шею, потом в щеку, пахнущую карамелью. Ира жмурится, крутит головой, ей и самой непонятно, приятно ли то, что делает Пегов. Скорее приятно, но это ничего не значит, ничего!

Пегов хватывает девчонку за тощую попку. Половинка попки напоминает мячик, пальцы его скользят по платью, пробираясь вниз, ощущая уже тонкое бедро. Они некоторое время возятся, Пегов делается горячо и весело. Обоим уже не по себе. Пегов сует ладонь между горячих ляжек девчонки, она ахает, поворачивает голову и громко зовет Тайгу, свою овчарку. Пегов, конечно, понимает, что Тайга осталась черт его знает где, сидит теперь в будке, да еще на цепи. Но кто его знает, вдруг она услышит и сорвется сюда, в тень заброшенной дачи пятого отряда. Где Пегов проделывает такие штуки с его хозяйкой. Пегов отпускает Иру, она смеется над ним, Пегов пробует продолжить поцелуи, но Ира снова зовет Тайгу. И Пегов, наконец, отступает.

Невинность охраняла их лучше любой, самой свирепой собаки.

Года через два Пегов повстречал Иру снова. Она уже «без пяти минут взрослая девушка», она уже носит туфельки, а не сандалии, и модную курточку. Она стягивает волосы в светлый хвостик. И рядом с ней долговязый парень, который изображает, надо понимать, настоящего кавалера. Ира взглянула на Пегова, мгновенно узнала его. Между ними неожиданно проскочил тот позабытый жасминовый жар «Эх, дурак! Взял и наплевал на эту Тайгу. Ире позарез нужно было всего одно нежное его усилие, всего только одно. Она пошла бы с ним, куда угодно и они...» Но тут Ира опустила голову, и хвостик ее качнулся - вниз и направо. Парень-кавалер уперся в Пегова желтыми кошачьими глазами. Теперь Ира принадлежала долговязому и никакие жасминовые глупости уже не могли вернуть ее Пегову...





Ни за что я не поверю, что нельзя  
вытянуть из прошлого сюда  
всех моих девчонок!



## Из главы четвертой

*Случай в психдиспансере. «Урмилка здесь!» Миллион новыми и триста старыми.*

...Бросил всё, как есть и пошел в большую комнату. Там он начал с буфета. С верхних полок. Заглянул во все вазы по очереди. Тенькнула крышка кубка с черным немецким орлом, звякнула бадья у фарфорового мужичка. Там смиренно лежали нитки, булавка, колечко, ластик. И темный от времени наперсток.

Тут он взглянул на стенные часы. Час уже роется. Ни хрена не нашел. Он вздохнул, потер лоб и раскрыл дверцы буфета. Присел и вытащил первое длинное блюдо. Мельком он подумал, что надо бы попросить Валюшку вымыть старую посуду. А то запылилась, хотя и в буфете стоят. Он чуть не разбил второе блюдо, въехав им по дверце, но справился и тихонько опустил его на ковер. Выходила одна глупость, а он, Пегов, очевидный псих. И надо идти к Генке, пускай доктор на дом едет.

Поднялся и вытянул левый ящик буфета.

«Так, что у нас тут? Ложки, ножи, тяжелая лопатка для студня, стопка старых удостоверений, значок, лампочка от елочной гирлянды, зеленая. Партбилет отца в бежевой пластиковой обложке. И ещё... Ещё пачка денег. Пач-ка де-нег!»

Пегову стало жарко. Деньги лежали в самом дальнем, левом углу узкого буфетного ящика. Натуральная такая пачка. Само собой, в каждой квартире можно отыскать заначку. Кто-нибудь сунет, например, в томик Мериме пару тысяч или (что реже) две пятёры (но в «Большую советскую энциклопедию»). Сунет и забудет. Но чтобы положить плотную, запечатанную пачку новеньких пятёрок в буфетный ящик и забыть, этого быть не может.

Он уселся на стул у окна и принялся разглядывать деньги. Потом понюхал их. Пятёрки пахли краской, как положено новым деньгам и документам. На жесткой бумажной ленте, которая затягивала пачку крест-накрест, было отпечатано: «Московское ГТУ Банка России \* Пять тысяч рублей \* БИК 046678767 \* Сто билетов \* Кассир

Пенчукова Е.Н...» Далее следовало изображение государственного герба. Орел на ленте получился маленьким, похожим на воробья.

«Если психоз подкладывает деньги в ящик буфета, это правильный психоз? - Йа-йа, герр профессор!»

Пегов отдышался и вытер лоб. Потацил вытащил одну плотную бумажку из пачки и подошел к торшеру. Знаки водяные, выпуклый шрифт, смена оттенков под разными углами. Все, как у настоящих.

Пегов сунул пачку в карман халата (время от времени он с удовольствием ощупывал ее) и принялся разгружать второй ящик. Через полтора часа в обеих комнатах царил кавардак: книжки были сложены в углу большими стопками (он решил пролистать их попозже), посуда из буфета вынута и расставлена частью на столе, а частью прямо на ковре в столовой.

Он с трудом находил, куда поставить ногу, но обе комнаты были просмотрены достаточно тщательно. Пегов раздумывал, стоит ему ободрать обои или поискать также в стенных часах, в старых дубовых креплениях для штор или сделать это после. Он устал. Теперь в карманах халата лежало уже три пачки. Две по пятьсот тысяч, новенькими оранжевыми бумажками и одна, также в сто бумажек, но зеленоватых советских трехрублевок. На хрустящей ленте у этой пачки вместо банковских реквизитов надпись была другая: "пока\*хватит&пока\*хватит&...».

Сам потный, рожа в пыли, сбросил с кресла книжки, уселся и принялся напряженно соображать. Ему еще казалось, что он видит все это во сне. Время от времени он начинал щипать себя через халат. С вывертом, до синяков. Но все оставалось на месте. Пачки вот они. Из шкафов вещи вывалены и посуда стоит на полу.

Каков же итог? Он, Вадим Лексаныч Пегов, ни черта не псих, просто он взял и попал в «особую зону».

Начав размышлять об этой непонятной «зоне», только что выдуманной («Не про чертей же ему размышлять, черти наукой не доказаны!»), он почувствовал, что так недолго и в самом деле «съехать с катушек». Пошел в спальню, лег на кровать, не переставая ощупывать все три пачки сквозь халат. При этом в виске у него ныло и тонкий, притихший было голосок, вновь разошелся: «Фальшак, фальшак. Подкинули дураку!» С этим следовало, конечно, разобраться, но это можно сделать и позже.

Пегов не заметил, как заснул.

Откуда-то издали послышался ему мятый Генкин голос:

- ...Вадя, хорош дрыхнуть, десятый час! У тебя штука есть до завтра?

Пегов открыл глаза и судорожно ощупал карманы халата.

«Есть, есть! Три пачки по-прежнему на месте, не растаяли... Есть ли у него штука? У него есть такая штука, такая... Да вы все охренеете сейчас!»

Тут он сообразил, что не следует ни о чем трепаться. "Надо потихоньку, а не то на самом деле в психушку свезут".

Пегов поднялся, подошел к двери и ответил сквозь зевок:

- Счас, гляну... Где-то была.

Оглядев разгром, который сам же и устроил, смутно соображал, что про это сказать Генке, потом выдрал из пачки одну пятерку, остальное сунул в письменный стол в комнате, а ящик запер. Потом подумал, что надо проверить. Потом про то, что следует купить сейф. Кое-как подвинул посуду, книги и прочие вещи, чтобы не валялись на проходе и высунулся в коридор.

- Нашел, целая пятера... Постой, ты в супер? Я сейчас, только пожру чего-нибудь, вместе пойдем.

Когда они подходили к суперу на Спасской, Генка взглянул на него и спросил:

- Ты что это сегодня спозаранку у себя ковырялся?

Пегов вздохнул.

- Думал, снова обезьяна забралась. В углу там...

- Да я уж в Сети смотрел. Это не обезьяна, а лемур. Откуда он тут взялся, не пойму. Надо объявы развесить. Может, люди ищут.

«Ага, ищут. Ведьмы и черт с собачьим рылом. Они как раз и ищут! Только без всякой объявы нашли уже!» - подумал Пегов, но, разумеется, ничего не сказал. Следовало успокоиться и перестать думать про чертей. Чертей не бывает и все тут!

Никогда еще покупка трёх бутылок пива, блока сигарет, банки кофе, батона белого, сахарного песка, туалетной бумаги, спичек, хозяйственного мыла, сарделек, масла и куриной грудки не вызывала у Пегов такого возбуждения. Это было нечто похожее на игру в рулетку. «Заметит или нет, фальшак или настоящие?» Кассирша Дальмира

провела купюрой по зеркальцу тест-машинки, оттуда выскочил сиреневый лучик и под ним буквицы на пятерке исправно заискрились. Дальмира ничего не сказала, взяла и отсчитала положенную сдачу.

«И никаких чертей, просто зона такая!» - скакало в голове у Пегова.

## Из главы шестой

*Переводы с латинского. Демон пятого ряда. Поиски волчьих клыков, комеди и петушиных шпор. Генрих Исаевич – демонолог. Страшное ad regretum. Испытание заклинаний.*

...Пегову рассказано было про Саммоника, про облачный столп в пустыне, про чтение в три строчки, сначала слева направо, потом наоборот. Про важный суффикс «эс» в аккадском языке и даже о диалоге «Кратил» у Платона.

Потом Исаич сходил в коридор и притащил толстенный томище «Основания практической магии».

- Эт-т... Регар-ди... Он такжэ уверэн, что не слэдуэт... без важной причины прэизносить... такие... м-да... имэна. Но я вэм напишу, а вы попробуитэ сказать, но ш-шш, тихоньк-ко... М-да. Замена букв осущэствляется по правилам цириф, знаэтэ ли...

Исаич слазил в другой шкаф, достал оттуда листочки, потом раскрыл толстую черную книгу, похожую на старухину.

- М-да... Вэдим. Я мог бы назвать вам... любое имя... знаэтэ ли. Но вы все равно отыщите нужноэ... Вы, я вижу, упрямый... Поэтому я... м-мм... скажу верноэ... Но, Вэдим, нельзя ли бросить... это дело, а?

Пегов вздохнул. Ему захотелось рассказать старику, что и сам сомневается. И даже беспокоится. А по утрам у него такое чувство, как перед зубным врачом. Ерунда, что такого, а идти неохота. Бобыли на него смотрят так... С жалостью смотрят, как на придурка. И еще деньги эти. Но Пегов пожал плечами, взглянул Исаичу в выпуклые желтоватые глаза и покачал головой.

- Да... да... Понимаю. Но, видитэ ли все, вот это все, что кругом... потом ...может стать совсем дру-гим... Совсэм... Не таким, как раньше... И там, в этом другом... вэм можэт здорово не понравит-ться, знаитэ ли...

- Генрих Исаич, если бы я мог. Сначала мне казалось, что это лучший выход... А теперь уж поздно. Надо дальше идти. И как там будет... так и ладно.

Зачем он рассказывает все это Исаичу, Пегов и сам не знал. Сказать хотя б кому-то. Кто догадывается, что реальность - штука зыбкая.

- У нас в переулке стоит одно здание, маленькое такое, в два этажа. Контора жилищная, где домуправ. И десять лет я ходил мимо него в школу. За окнами можно было видеть каких-то людей, мужчин и женщин. Столы, шкафы, папки, стопки бумаг, пишущие машинки. Потом мне приходилось там бывать, всякие там справки, квитанции, ну, вы понимаете...

Исаич слушал, поглаживая черные и зеленые буквицы на странице. Так уж вышло, что рассказать про всю эту канитель, кроме старика, оказалось некому. Да ладно, хотя б кому.

- ...Мне всегда казалось, что это вот контора эта – на краю самой скучной жизни. Нет, не жизни даже, а высиживания, от весны до зимы, как-нибудь. Когда все известно вперед на двадцать лет. И я думал тогда, вот же бедные люди, попались. И был уверен, что у меня будет совсем не так. Какие-то там заморские страны, лиловые города. Я даже карту континентов вылепил из пластилина на картонке... Наощупь знал, это вот озеро Таньганьика, а тут Аравия. Альпы там, Балканы. Все лежало под руками. И можно было пробовать хоть десять лет. Но я поехал по жизни, как по кривой, глуховатой дороге. И слишком поздно понял, что ближе всего она к коридорам этой конторы, к ломбарду там или к стройконторе. А теперь... можно кое-что вернуть. Впечатления, ситуации. Попробовать жить назад. Поэтому... поэтому...

Исаич пригорюнился. Как и всякому пожилому человеку, история эта была ему хорошо знакома. Про «не в свои сани». Где свои, где чужие, не написано ведь. И каждому охота вернуться, если проедет нужную станцию. Только тут уж ничего старик ему, Пегову, не подскажет. Кто же за тебя к зубному пойдет?

- Я понимаю, вернуть... Если вас взяли вот тэк...

Исаич сжал пальцами свой тощий кадык.

- Взяли, да, да... Значит, это нужно не вам или там... кому-то еще. Это простэ случится и все. Как случается дождь.

Они посидели, помолчали и вернулись к писанине.

- ... Это похожэ на звук «йя», как «Яша»... Да... А вот это «ун», как в «уносит». И везде к «шэ»... слэдуэт присоединять «ч», что-то между «кошка» и «кочка». Попробуйте... Вэдим, токо... Ч-шшш... Тихонько!



Разбирали долго. Потом опять пили чай. Пегов с трудом всучил Исаичу три желтые пятеры. Тот долго упирался, растопыривал желтые пальцы с толстыми ногтями. Как старая черепаха. Есть ли пальцы у черепах? Нет, у них же ласты. Или пальцы тоже есть, но на передних лапах?

- И еще... Вэдим, ни в коэм случаэ не говоритэ ad perpetuum, то есть «навечно». И еще одно, попробуйтэ записать цэремонию на... Как теперь записывают?... Ну, да, на диктофон. Если повторить всё задом наперёд, вызов станэт мнимым, небывшим. Одним словом, оставьтэ себе... лазэйку... Эт' важно! Не забудьтэ же.. м-мм... Вэдим.

Обратно Пегов ехал долго. Ехал он грустный и думал, что лучше бы уж без душевных секретов, попроще как-нибудь. С другой стороны он ведь не Исаичу, он себе говорил. Прояснял, почему и как. Начистоту.

Повернув с Каланчевки, Пегов попал в затор. Он остановил машину и опустил стекло. Автобус, за ним «газель», дальше легковушки. Тогда назад надо, в разворот и по Спасской. Впереди сигналили. Пегов вырулил на обочину, колеса закрипели по снегу. Вылез из машины и прошелся вверх по переулку. На уровне бывшего дома 32 болтались у бульдозера какие-то люди в ватниках и оранжевых строительных касках.

- Ломать надо по ночам! – заметил водитель «мазды», приоткрыв дверцу, - Мне на Рижскую надо, думал быстро проскочу, а тут...

- А что случилось?

- Да, говорят, узбеки бунтуют.

Пегов застегнул куртку и пошел дальше, к автокомбинату. Как раз напротив его ворот, у памятной подворотни стояли человек шесть строителей. Они слушали толстого грузина в ярко-синих джинсах и дубленке.

- Чиго там гуль, какой, на фиг, гуль, а? – шумел толстяк, - Никаго нет, никаго. Трахкши ква... Давай пашли смареть!

Он схватил печального узбека, который стоял ближе других, тот выдернул руку и отступил к своим. Водитель автобуса свесился из кабины.

- Подвинь технику, приятель, дай проехать!

Грузин поднял вверх правую руку и закатил руладу... Траки аишхвам центе ... Наверное, ругался по-своему. Потом плюнул печальным

строителям под ноги и сказал автобуснику:

- Ума посадили савсэм, да? Идиоты! Один выдумал, другие верят. Говорят, какая-та гуль внутри дом сидит, нильзя ничего делать. А у меня сроки, понимаишь, да? Сейчас я их... Падажди!

И грузин зашагал к кучке узбеков, что-то яростно им выкрикивая, до Пегова донеслось:

- ...Вас всех... чтоб завтра... Вот, смотри, никаво нэт!

Грузин мрачно оглядел своих подчиненных и пошел в подворотню. Узбеки стояли в сторонке, вытягивая головы...

## Из главы одиннадцатой

*Все опасности выступления с балкона. «Кто сказал «повесить»?»  
Распиленная снайперка.*

...Треснуло. Генка подумал, что это фонит динамик. Но тут парень, стоящий слева от Пудовского, присел и схватился за ногу у колена. Пудовский отвел назад руку, дядьки по краям балкона щелкнули своими кейсам, те раскрылись в широкие щитки, которыми они прикрыли Пудовского. Толпа под балконом охнула, как один человек и зашумела. Раздался визг, зазвенело, потом прорезалась сирена.

Генка двинулся к двери, Нина Ванна вцепилась в руку Пудовскому, тот щурился от боли. Но оставался на месте. Дядьки, прикрывая его брониками в черной коже, теснили к выходу. В коридоре полицейский, стоя в простенке, велел всем отойти от окон. Народ кинулся по коридору. Пудовский вошел в пустой класс, уселся на стул. Нина Ванна, белая, как полотно, гладила его по плечу.

- Что, что?... Куда... тебя?

Парня-переводчика уложили на пол и мордастый бинтовал ему ногу поверх штанины. Пудовский посмотрел на Генка и пожал плечами. Не дрейфь, мол, не такое бывало. Генка подвинулся к нему. Тут появился, наконец, врач, не тот, из коридора, а какой-то молодой, стриженный. Пудовский кивнул ему.

- Да ладно...Рукав разодрали.

И потянул с себя мундир. В самом деле, как раз на плече ткань была разодрана, торчала подкладка. И рубашка на Пудовском тоже. Расстегнули ее, потянули с плеча. Красная полоска на бицепсе, как палкой врезали. Стриженный кинулся щупать, Пудовский морщился, но послушно согнул руку, стриженный прижал к плечу тубик с иглой.

Площадь шумела, у ограды слышалась ругань. Пудовский опустил рукав и встал. К нему подошел один из хмурых охранников с разложенным броником.

- Спускайтесь, Кирилл Алексеич, место тут... саданут и еще, будьте уверены...

Пудовский поднялся, натянул мундир и огляделся. В дверях появился полицейский.

- Задержали их. Сюда ведут. Надо бы...

Пудовский кивнул и вышел в коридор. Оба дядьки, потряхивая бронежилетами, матерясь, полезли следом. Генка встал в простенке, Нина Ванна прижалась рядом, закрыла глаза. Тут Генка услышал голос Пудовского в динамиках:

- Не трогать наряд! Отпустите, пускай сюда ведут. Ну, быстрее... Не трогать, я сказал!

## Из главы двадцатой

*Утреннее объяснение. Архитектурная магия. Завтрак под тентом и броники в переулке. Под дулом карабина.*

...Пегов перелез через ограду бульвара и ступил на асфальт. Ему надо было пересечь довольно здоровый кусок пустого проспекта. Там его было видно издалека и Пегов засомневался. Уже подходя к противоположному тротуару, он услышал справа рев мотоцикла. Из-под эстакады, пересекая пустое Садовое против всех правил, к нему летел старенький мотоцикл с коляской. Побитый такой мотоцикл. Наверное, «Урал». Пегов надал было вперед, но услышал крики. Кричали, конечно, ему. И кричали «стой». Впереди был высокий подъем, дом на углу стоял много выше проспекта и даже если Пегов побежал его, наверное, поймали бы.

И Пегов остановился. И повернулся к мотоциклу. Все места там были заняты. Водитель - хмурый парень в черном комбезе, его бока обхватил какой-то толстяк, с торчащими вихрами, в клетчатой рубаше. В коляске сидел, выставив ноги в военных берцах, дядька постарше Пегова. Он был в синей майке с надписью «Арбат». У дядьки было рыбье лицо: вытянутое вперед, губы толстые и белесые выпученные глаза. В руках он держал армейский карабин. Все трое были выпимши.

Когда они подъехали, дядька навел карабин на Пегова и спросил:  
- Страшно?

Пегов сглотнул и кивнул. В голове у него проплыла рябая картинка: Маринка и Аня стоят в воротах особняка; малышка на руках у матери; дрожит коленка у Светки; парень показывает ему розетку в подвале; снова Марина, но уже зимой, в темном пальто. И еще медвежонок. Маленький игрушечный медвежонок.

Парень смутно посмотрел на Пегова и сказал:  
- Дашник?

Пегов молчал. Губы у него свело. Он смотрел на дядьку с карабином, черное дуло которого поднялось на уровень его груди. Толстяк пожевал губами, оглядел Пегова и пихнул парня-водилу.

- Ну, куда ты.. целишься-то!... Пускай он...уже! Совсем...

Пегов с надеждой посмотрел на толстяка.

- Ребят, вы... Я иду себе... просто... Я домой иду!

Дядька пожал плечами и повернулся к толстяку:

- всерьез все, Саня... всерьез пошло. Они нас или мы... Стрелянем его и хорош!... – взглянул на Пегова снова, - А ты... Иди вон... Туда!...

И дядька ткнул стволом вперед. Пегов еле шевельнул сухими губами:

- Ребят...

- Иди, говорю!

Пегов медленно побрел, куда сказали. Асфальт закончился, он ступил на газон.

Сейчас... сейчас...

\* \* \*

**ОКОНЧАНИЕ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА  
ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОВЕСТИ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПРИ  
НАПРАВЛЕНИИ ПИСЬМА ПО АДРЕСУ НАШЕГО ЛИТФОНДА  
И ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ЛИТФОНДУ  
[semenov-2211@yandex.ru](mailto:semenov-2211@yandex.ru)**

**Литературный фонд Сергея Семенова**

**[www.happyresume.ru](http://www.happyresume.ru)**

**Все права защищены**

**© Все права на данное произведение принадлежат Самойлову**

**А.Ю., Москва, 2022**